

Барон Де-Во

ВЕРХОВАЯ ЕЗДА

ПРЕЖДЕ И ПЕТЕРЬ.

ВЫЕЗДКА ЛОШАДЕЙ

И

КОНЕРАЗВЕДЕНИЕ

(Le baron de Vaux)

Перевод Б. Лопатина.

МОСКВА. 1900 г.

*Типография Общества распространения полезных книг
аренд. И. К. Солнцевым,
Моховая, против манежа, д. кн. Тагарина.*

Оглавление

1. Изучение верховой езды. Положение всадника на лошади. Школа верховой езды.
2. Современная верховая езда.
3. Верховая езда *Де ля Гериньер*.
4. Версальская школа *Виконт д'Абзак*.
5. Езда на свободе *Граф д'Ор*.
6. Научная верховая езда *Ф. Боше*.
7. Выездка по *д'Ор* и *Боше*.
8. Боше и граф д'Ор.
9. Движение лошади *Капитан Рааб*.
10. О всаднике, ездоке и наезднике.
11. Как нужно покупать лошадь.
12. Аллюры лошади.
13. Коневодство во Франции.
14. Французская лошадь легкого типа.
15. Англонорманы.

Глава 1.

Изучение верховой езды.

Каждое искусство требует изучения.

Искусство верховой езды приобретается только путём практики.

Уметь ездить – это знать, теоретически и практически, средства, при помощи которых мы получаем от лошади всё то, на что она способна, в упряжи или под седлом.

Рассматривая только последний случай, я определяю верховую езду таким образом: искусство, которое даёт и указывает такое положение человека на лошади, в котором он чувствует себя вполне уверенно и свободно; которое позволяет ему управлять лошадью наиболее простыми движениями, в то же время утомляя её наименее; которым достигается полное повиновение лошади, насколько это ей позволяют её силы.

Изучение этого искусства доступно только тем, кто способен подчинять своей воле свои усилия и различать влияние их на лошадь.

Изучение *искусства ездить верхом* с этой точки зрения даёт возможность определить те качества, которыми должен обладать наездник с одной стороны и выездженная лошадь – с другой.

Наездником может называться тот, кто, сидя прочно и свободно на лошади, знает, что он может от неё требовать и умеет простейшим рациональным способом добиться её послушания.

Всадник должен отождествить себя с лошадью и судить о ней в некотором отношении по собственным ощущениям, которые должны давать ему представление о том, что чувствует лошадь и что побуждает её действовать именно таким образом.

Наше собственное туловище двигается безостановочно только под влиянием продолжающегося усилия, которое постоянно возобновляется; наше сознание руководит нами и возбуждает усилия, направленные к достижению намеченной цели; также и лошадь, подчинённая воле сидящего на ней, имеет единственную цель – цель, которую преследует всадник, она остановится, если сообщённый ей импульс, причина движения, прекратиться.

Поэтому всадник должен давать себе отчёт в степени усилия, которое он прилагает, будь то усилие побуждающее или сопротивляющееся.

Выезженную лошадью называется та, которая, подчиняясь воле всадника, правильно, легко и энергично отвечает на получаемые указания.

Эти два определения и составляют основы теории, долженствующей осветить практику верховой езды.

Прежде всего, наездник должен приобрести правильную посадку.

Без этого условия он не будет ни хозяином собственного корпуса, ни тех средств управления, которыми он должен располагать, чтобы владычествовать и руководить лошадью.

Правильная посадка заключается в равновесии и в целесообразном и гибком расположении членов корпуса всадника.

Если какой-либо член функционирует неправильно или не способствует сохранению равновесия, то при каждом малейшем движении положение туловища и посадка всадника будут изменяться.

Избежать же этих изменений или, по крайней мере, смягчить их можно лишь путём усилий, которые дадут возможность всаднику продержаться известное время в седле, но вместе с тем лишат возможности действовать, так как все члены корпуса будут напряжены.

В тех случаях, когда особенно необходимо правильное употребление ног и рук, он будет пользоваться ими, исключительно с целью удержаться на лошади.

Когда достигнуто правильное положение туловища, лошадь, если можно так выразиться, окружена «*средствами управления*» (les aides) всадника, и если их воздействие согласовано с требованиями необходимости они понудят лошадь идти надлежащим аллюром и по желанию урегулируют темп его.

Употребление «средств управления» можно представить себе довольно точно при сравнении с известной забавой школьников, когда они становятся все вокруг намеченной жертвы и, отталкивая товарища постоянно от себя, играют им как мячиком. Не давая ему возможности ни на минуту остановиться.

Это сравнение не годится, когда всадник едет с болтающимся поводом и далеко отставленными ногами, что не дает тесного единения.

Это единение легкое, мягкое или строгое, смотря по обстоятельствам, никогда не должно отсутствовать, если всадник желает владеть лошастью.

Школьник, которым перебрасываются его товарищи, не может сам руководить своими движениями или сохранить равновесие.

Также и лошадь, получив толчок ногой, настолько отставленной, как того требовала сила толчка, отклоняется всем корпусом к другой ноге, также отставленной, получает такой же толчок и снова отклоняется в сторону.

При езде с распущенными поводьями всадник не может ими воспользоваться в любой момент, так как у него не будет времени разобрать их и натянуть в надлежащей степени.

Напротив, если школьник окружен товарищами настолько сближенными, что они его поддерживают со всех сторон, то он находится в равновесии. Если усилия товарищей направлены только к тому, чтобы их жертва не убежала, то ясно, что жертва останется неподвижна: их противоположные усилия будут равны. Но если часть общих усилий исчезнет, или товарищи, стоящие кругом в одном месте несколько раздвинутся, то злополучный школьник может собственной волею передвинуться в их сторону.

Такое же взаимоотношение существует между всадником и лошастью.

Усилия повелевающие — первого и подчиняющиеся — второй должны постоянно находиться в равновесии, соответствовать аллюру, скорости и направлению движения. Но, сохраняя постоянно ощущение прикосновения к

лошади, что мы признаем необходимым, не следует сжимать ее бока ногами, так как это притупляет отзывчивость лошади на усилия всадника и является результатом неуверенности в своем господстве.

Ноги должны действовать постепенно, никогда резко не оказывая внезапного воздействия на лошадь; руки будут согласоваться с движением ног, действуя также постепенно, избегая совершенной отдачи повода или резкого осаживания назад.

Поводом и ногами нужно вести лошадь в равновесии, сохраняя положение, обусловленное аллюром и скоростью его, не теряя единения с лошастью.

Это то, что требуется от истинного наездника и что достигается путем долгой практики.

Наездник, чтобы никогда не ошибаться, должен внести в эти упражнения значительную долю наблюдательности и внимательного размышления.

Это главные принципы, которые служат основным правилом для всех наездников, достойных этого названия.

Глава 2.

Положение всадника на лошади.

Наездником может быть только человек, особенно одаренный от природы, так как ему приходится различать ощущения лошади от собственных. Он должен иметь очень развитое, тонкое осязание.

Для верховой езды требуется сила и гибкость, — этими двумя качествами должен обладать наездник.

Очень важно, чтобы всадник сидел хорошо на лошади.

Хорошая посадка позволяет легко и грациозно управлять лошадью.

Прежде всего ученик должен приобрести посадку.

Туловище всадника отнюдь не должно быть неподвижно или в напряженном состоянии, но каждый его член должен быть совершенно свободен, совершенно отдаваясь и отвечая малейшему движению лошади, сохраняя равновесие и уверенность, без чего он не будет хозяином ни самого себя, ни лошади; кроме того, всякая принужденная посадка всегда не изящна.

Всадник должен сидеть совершенно свободно, все авторы, высказывавшиеся по этому поводу, соглашаются в этом.

Различие мнений заключается в приложении этого принципа; требуют более или менее вертикального положения корпуса, различной изогнутости поясницы, различной точки опоры в седле, различного направления ляжек.

Как общее правило, — когда хотят указать положение одного члена, — никогда не следует упускать из вида других: свободная и гибкая посадка возможна только при условии согласования всех членов туловища.

Военная школа грацию в посадке признает делом второстепенным и учит только прочно сидеть и управлять лошадью. Вот правила, которые дал **Д'Орь**: «Нужно сидеть уверенно, несколько согнувшись в пояснице, чтобы отвечать каждому движению лошади; плечи опущены и не откинута назад, голову держать прямо, стараясь не выставлять вперед подбородка, так как при этом движении плечи подаются назад и приподнимаются колени; ляжки плотно на своем месте, колени неподвижны и возможно ниже опущены, вся нога вытянута, и каблук несколько опущен, при этом мускулы ляжки будут несколько сокращены и тем удержат те части, кои должны быть неподвижны.

Только два усилия должны быть употребляемы: к сохранению равновесия и приданию устойчивости положению ноги до колена. Тогда посадка может быть прочна.

Бедренное сочленение должно быть очень подвижно, от этого зависит сохранение равновесия; эта подвижность дает возможность корпусу принимать различные положения согласно с движениями лошади, положения, которые сохраняли бы устойчивость.

Поэтому, пока лошадь стоит на месте или двигается прямо, следует держать корпус прямо, не наклоняясь вперед и не откидываясь назад, но всегда быть

наготове, принять то или другое положение, смотря по надобности для сохранения равновесия. Таким образом, настоящая посадка достигается гибкостью в соединении с устойчивостью положения ноги.

Но следует заметить, что главную роль играет гибкость, подвижность, равновесие, так как усилие для удержания ноги на месте всегда понемногу уменьшается в силу утомления».

Согласно старинному учению туловище всадника разделяют на три части, из которых две *подвижны* и одна *неподвижна*.

Такое разделение было занесено к нам из Италии и принято как основной принцип. Неподвижная часть — туловище от поясницы до колена, подвижные — верхняя и нижняя. Верхняя подвижная часть включает все выше неподвижной части, нижняя подразумевает ногу ниже колена и ступню.

Рассмотрим различные элементы, входящие в состав этих трех частей.

Голова и шея. Голова не должна быть наклонена, ни в какую сторону, но держаться прямо и свободно. Очень часто ее держат высоко - недостаток, которого следует избегать, если он не является врожденным; в последнем случае его можно возместить только соответственным изменением положения прочих частей туловища. Голову нужно держать свободно и уверенно, чтобы при наклонении головы туловище осталось в прежнем положении; ее движения также должны быть независимы от положения плеч и не влиять на весь корпус.

Плечи и грудь. Грудь бывает широкая и узкая. Строение груди имеет громадное значение при сильных физических упражнениях.

Для верховой езды требуется в особенности сильная грудь и здоровые внутренние органы, чтобы ездок был в состоянии переносить те сотрясения, которые передаются нашему телу лошастью. Совершенно невозможно, испытывая боль от этих сотрясений, в тоже время сохранять надлежащее соотношение членов и в особенности верхней части туловища.

Положение плеч изменяется сообразно с движением рук, которым они служат точкой опоры. Эти изменения особенно заметны в месте соединения плеча с рукой, в оконечности плеча (*pointe des epaules*).

Авторы держатся различных взглядов: одни требуют, чтобы плечи были покатые, опущенные, другие — ровные, поданные назад.

Все эти требования имеют свои основания, смотря к кому, они относятся; во всяком случае, необходимо справляться с индивидуальными качествами всадника; предъявляя какие-либо требования необходимо иметь в виду сложение объекта.

Грудь должна быть более или менее выставлена вперед в зависимости от положения других членов, но при этом существует разница между грудью открытой и выпяченной. Насколько первое условие желательно, настолько второе вредно.

При открытой груди положена всех членов верхней части туловища свободно и имеет естественную точку опоры; при выпячивании же груди спина

и поясница неизбежно выгибаются, и весь корпус принимает напряженное положение и стеснен.

Из этого рассмотрения вытекает, что можно дать только одно общее указание — иметь плечи свободно опущенными.

При таком положении грудь будет открыта, более же подробные указания найдет сам ездок, приняв во внимание сказанное ваше.

Почки и поясница. Почти все авторы рекомендуют изгибаться в пояснице таким образом, чтобы она, равно как и живот, были поданы несколько вперед. Сомюр в своем курсе верховой езды не соглашается с этим. Он говорит, что поясница должна быть пряма и гибка без всякого напряжения, потому что излишек твердости не дает возможности парализовать сотрясения.

Он прибавляет далее: «Для сохранения положения всадника нужно подавать вперед седалище (l'assiette), которое служит ему базой».

Таз. Мы подразумеваем в данном случае все кости тазобедренного сочленения, бедра, крестец и многочисленные мускулы, окружающие их, всю часть туловища от поясницы до ляшки. Эта часть вместе с ляшками названа частью *неподвижной*. Называя очень неопределенно части тела, составляющие эту «неподвижную часть» при указании их положения нам говорят: положение этой части самое важное для посадки, и все другие члены должны этому подчиняться.

Основание туловища — седалище, и при надлежащем положении его можно приобрести легкую, прочную, неустойчивую и постоянную посадку.

Под седалищем (l'assiette) следует понимать ягодицы и часть ляшек, кои прикасаются к седлу и служат опорой всей массе. Мускулы, окружающие их служат в некотором роде подушкой... Ягодицы должны быть расположены ровно на седле и возможно более поданы вперед.

Такое положение обуславливается вертикальностью корпуса, насколько она допустима сложением, а также и направлением ляжек, от которого зависит в значительной степени положение седалища.

Ляжки. Все современные и старинные авторы находили, что ляжки должны быть вывернуты внутрь. Однако в Курсе верховой езды Сомюра отмечено, что этот принцип не верен, что ляжки не должны быть вывернуты ни внутрь, ни наружу; они должны быть предоставлены самим себе, и, будучи свободны, сами примут надлежащее положение.

Кроме того, направление ляжек должно находиться в зависимости от направления корпуса. В этом вопросе и сказывается наибольшая разница между взглядами первых авторов и авторов настоящей эпохи.

Первые учили, что ляжки, также как и голени должны быть вытянуты и вертикальны, как бы всадник стоял на земле.

Современные авторы, хотя рекомендуют приближаться к такому положению, в целях более удобного управления лошадью, тем не менее, соглашаются, что нога во все не должна быть перпендикулярна к земле, иначе

всадник не мог бы сидеть на седалище — оно подалось бы назад. Если даже и существуют до сих пор сторонники **Монфокона**, которые рекомендуют вытягивать и выпрямлять ногу возможно больше, то анатомия нам доказывает, что это, по меньшей мере, бесполезно. Подавая седалище вперед таким образом, чтобы ляжки плотно прилегали к спине лошади. Как учат **Дюпати** и **Боган**, следует предоставить членам свободно принять естественное положение.

Под влиянием различных причин это положение может несколько измениться, при условии хорошей посадки всадника; угол, составляемый голенью с корпусом, будет от 135° до 145° и, во всяком случае, не более 150° . При большем угле – всадник будет сидеть на промежности, а при меньшем – он не будет прочно сидеть.

Колено. Здесь рассматриваются те части, кои образуют коленный сустав. Очень трудно понять, что **Де ля Гериньер** подразумевал, говоря, что ляжки *должны быть вывернуты внутрь и колено также*. Колену нельзя предписывать особого положения. Так как оно естественно зависит от положения ляжки, которой служит продолжением, и голени, которой служит началом.

Де ля Гериньер требует колена выворачивать внутрь, **Тиру** рекомендует их отодвигать назад и сжимать, **Монфокон** – также назад и вывернутыми. Все эти требования годны для всадника, который сидит на промежности. Мы находим, что колена должны быть свободны. Как объясняет **Боган** и предписывает кавалерийский устав.

Голень и ступня. Часть ноги от колена естественно опущена. С этим каждый согласен, так как положение голени зависит от положения ляжки. Оно также очень близко к вертикальному. Голень изменяет свое положение, когда приходится им действовать с целью управления лошастью.

Ступня также находится в естественном положении, в зависимости от положения остальной ноги.

Уже было говорено выше относительно положения плеч и груди, что необходимо рассматривать всегда вместе. Перейдем теперь к другим членам верхней части туловища, крайне подвижным, движения которых имеют большое значение при управлении лошастью.

Плечевые части руки и предплечье. Авторы сходятся в том, что рука должна быть опущена свободно, без натяжки и согнута в локте. Почти все также согласны. Что сгибать руку в локте следует под прямым углом и предплечье должно находиться в среднем положении между пронацией и супинацией * (* Движение руки при вращении кисти, как например при отмыкании и замыкании замка ключом.); разумеется при работе это положение беспрерывно изменяется.

Кисть рук. В вопросе о положении руки, держащей повод, мнения сильно расходятся. **Де ля Гериньер** говорит, что кисть должна быть несколько выше локтя и ладонью обращена отчасти вверх. **Монфокон** придерживается того же мнения. **Боган** - кисть несколько ниже локтя, кавалерийский устав - кисть

наравне с локтем. **Дюпати дю Клам** и **Тиру** не указывают определенного положения для кисти, но требуют, чтобы она была то ниже, то выше локтя, в зависимости от управления поводом.

Мы предпочитаем положение кисти наравне с локтем, но оно будет удобно лишь в том случае, когда локоть согнут именно под прямым углом.

Дюпати дю Клам находит, что запястье не должно быть округлено, тогда как **Де ля Гериньер** и **Боган** этого требуют; строго говоря, положение запястья так часто изменяется в зависимости от положения головы лошади, что вовсе не важно какое было первоначальное его положение. Однако необходимо указать, что предпочтительнее такое положение кисти, изменяющееся по надобности, которое дает наибольшую свободу ей, а именно, когда запястье не округлено.

Из всего сказанного вытекает, что прочность всадника на лошади зависит от его посадки.

По атому поводу **Боше** высказывается таким образом: « существуют два способа езды верхом: как ездят барышники и как настоящие наездники. Первые совершенно не сохраняют согласования подвижных членов туловища, и если они балансируют, чтобы усидеть на лошади, то они не могут ими управлять, хотя бы предположит, что они знают механизм управления. Далеко не достаточно выдерживать сотрясение при езде, нужно их предупреждать и парализовать что невозможно, когда средствами управления пользуются для того, чтобы усидеть в седле.

Истинный наездник, напротив, поддается малейшему движению лошади, не смешивая усилий, которые его поддерживают с теми, которыми он управляет. Он полный хозяин всех своих движений и средств управления, посредством которых он сообщает свою волю лошади, и отнюдь не пользуется ими, чтобы удержаться в седле».

Школа верховой езды. Верховая езда не только развлечение, забава людей праздных и достаточных, но также и хорошее гимнастическое упражнение. Она сильно содействует пропорциональному развитию молодых людей, придает им энергию, развязность, осанку; верховая езда вырабатывает также и известную смелость, которая часто необходима, например, в случае войны.

В таком случае, справедливо ли, скажем более, благоразумно ли, что искусство столь полезное не поддерживается государством? У нас есть школы в кавалерийских и артиллерийских частях, но не военная молодежь ее лишена.

Об этом приходится тем более сожалеть, что, при общей воинской повинности, громадное число молодых людей прибывают в полки ни разу не садившись на лошадь; от этого теряется много времени на обучение в эскадронной школе посадке, управлению лошадью и уходу за ней.

Тогда как, развивая любовь к верховой езде, можно было бы иметь достаточный контингент рекрутов, которые умели бы сесть на лошадь, им оставалось бы лишь научиться владеть оружием на различных аллюрах.

Заранее подготовленные эти молодые солдаты, смелые наездники, не

отступающие ни перед какими препятствиями, образовали бы в частях драгоценнейший резерв, которым можно было бы пользоваться при разведках. От разведчика, прежде всего, требуется смелость, сообразительность, чтобы держаться возможно ближе к противнику, проникать за черту его расположения, чтобы рассмотреть или снять позицию, способность дать точный отчет о виденном и о местности, которой пришлось двигаться.

В разведывательной службе, также как и в стычке, после атаки, когда дело сводится к борьбе отдельных всадников, превосходство всегда будет на стороне того, кто лучше владеет оружием, лучше сидит на лошади и искуснее управляет ею.

То же самое требуется и при общих движениях кавалерии; движение будет осуществляться тем сплоченнее и быстрее, чем лучше каждый кавалерист владеет своим конем; без этого не может быть верного направления, сомкнутости “нога к ноге”, равнения, связи в движении, вся масса разъединена, колеблется и теряет свою силу.

Этот недостаток, малозаметный в мирное время, даст себя почувствовать, когда будет невозможно его поправить – во время войны.

Горю может помочь упражнение академии верховой езды, или хотя бы конкурсов назначаемых правительством.

Я вовсе не хочу возродить породу центавров, я желаю только, чтобы верховая езда была в почете.

Теперь среди публики замечается увлечение атлетикой и фехтованием.

Целая масса зрителей собирается в зал ко времени состязания. Специалисты, учителя фехтования составляют почетную корпорацию, некоторые из них украшены ленточкой Почетного Легиона, что служит доказательством признания и одобрения их заслуг государством.

Видел ли кто-нибудь профессора верховой езды носящим те же отличия? Ни кто. Это очень странно, так как многие из них оказали большие услуги своим ученикам, вспоминая их уроки впоследствии на театре войны, когда приходилось по целым дням не слезать с лошади.

Нет сомнения, что верховая езда не пользуется уважением со стороны правящих сфер; очевидно, они не дают себе отчета в той пользе, которую оказало бы армии, серьезное увеличение числа манежей.

Мы думаем, что наступило время вернуться к тем принципам, которые составляли некогда честь нации.

Лица, под различными названиями заседающие на иппических состязаниях, не могут быть названы *horsemen*-ами и мало помогают делу, проводя свои мнения, не основанные на основательном знакомстве с делом.

Все они, разумеется, одушевлены наилучшими намереньями, но эти намеренья ужасно похожи на те, коими вымощен ад.

Одним словом иппические конкурсы, как они происходят в настоящее время, представляют из себя очень привлекательное зрелище, приятное светское

развлечение, но совершенно бесполезны в практическом отношении; они дают лишь материал для заполнения *echos* и хроники *high life*-а в целой серии иллюстрированных изданий.

Это лучше чем ничего, но каждый согласится, что этого недостаточно.

На этих состязаниях вы видите лошадей, которые недурно выглядят в конюшне, и всадников, которым нельзя отказать в некоторых качествах. Но, как все это далеко оттого, что можно было бы ожидать от дела, где не замешаны ни купцы, ни поощрение, ни реклама, ни деньги, но которому покровительствует “мода”.

Лошади, участвующие в этих состязаниях, носят особенный отпечаток. Это очень красивые животные, но в их движениях вы не заметите настоящей выездки - результата долгой подготовительной работы; одна только внешность, лоснящаяся шерсть, тщательно содеранные хвост и грива, притом кокетливо причесанные; что же касается до их прыжков, когда они в сильнейшем посыле берут препятствия, то только профаны могут им аплодировать.

Также мало утешительного представляют и всадники.

Из года в год военный элемент приобретает все большее и большее значение и, хотя нельзя не признать, что военные спортсмены сделали значительные успехи, все же мы вправе ожидать от них большего.

Тот факт, что эти конкурсы привлекают цвет нашей кавалерии, наводит на грустные размышления по поводу верховой езды в армии.

Конкурсы служат явным доказательством, в чем у нас впрочем, нет недостатка, что обучение езде совершенно отсутствует или, плохо понятое, дурно поставлено.

Молодого солдата по прибытии в кавалерийский полк обучают, “ехать” на лошади и “держаться” в седле, но вовсе не учат “сидеть” на лошади и “управлять” ею.

Осмысленное обучение отсутствует, все зиждется на нескольких практических сноровках, на рутинном методе, чем вырабатывают людей торчащих на седле, но не наездников.

Действительно странно, что на это не обращают внимания и мало об этом говорят. Однако это происходит не оттого, что вопрос сам по себе мало важен, а также не потому, что трудно найти средство помочь этому делу.

Средство есть, я о нем не раз упоминал и, желая успеха этому хорошему и полезному делу, не перестану упоминать – это устройство школы верховой езды.

Немало существует упражнений, требующих больших издержек, польза и необходимость которых могут быть оспариваемы.

В силу индифферентности, или недостатка предусмотрительности и знакомства истинными интересами государства у нас этот вопрос оставялся в стороне.

По счастью усилия частных лиц посвятивших себя искусству, которое было

когда-то гордостью Франции, поддержали нашу репутацию, но этого далеко не достаточно.

Частная инициатива чересчур непостоянна и не полна; дело государства заботиться обо всем, что касается нашего благополучия, безопасности, репутации; на него падает обязанность действовать.

И оно легко может это сделать. Понадобятся небольшие денежные жертвы, чтобы осуществить идею учреждения Национальной Школы Верховой езды.

Она привлекла бы к себе людей преданных этому делу, любящих его, что обеспечивало бы успех.

Опыт иппических конкурсов, не смотря на оговорки сделанные мною, тому служат гарантией.

По счастью во Франции любовь к верховой езде еще не угасла, но необходимо, чтобы ею занялись более серьезно и практично.

Если согласятся с моим мнением, что конкурсы, столь пышно обставленные, не смотря на их картинность, все же имеют положительный результат и содействуют интересам и славе нации, то придут к выводу, что при иной постановке, если бы было обращено внимание и на всадника и на лошадь, конкурсы заслуживают, чтобы обратить на них внимание и придать им известную солидность.

Этого мало, что они представляют из себя великолепный и блестящий спортивный праздник, нужно чтобы они были поучительны; к тому, что есть нужно прибавить то, что должно быть.

Государство тем более должно идти, на встречу проекту, что он даст возможность иметь столь необходимые кадры резерва и запаса, почему мы, и желаем скорейшего осуществления его.

Теперь рассмотрим этот вопрос подробнее, исследовав сначала затруднения, которые он встречает.

Чтобы эти академии или манежи, которые я надеюсь увидеть основанными в Париже и в других населенных центрах, а также и конкурсы, устраиваемые государством, могли бы привлекать к себе публику, необходимо чтобы плата за вход была доступна.

Разумеется, это очень трудная задача и ничего нет удивительного, что мы видим людей очень сведущих, которые останавливаются перед издержками, связанными с приисканием помещения, содержанием служащих, с покупкой лошадей, принадлежностей, фуража, с ковкой и пр.

Наиболее желательно было бы, чтобы государство не брало на себя устройства такого учреждения, но только основало бы общество по образцу существующего в Брюсселе. Наверно нашлось бы достаточное число учредителей, членов и посетителей.

В настоящее же время все отдается циклизму и автомобилизму, они в моде, и даже можно видеть военного министра, педалирующего с офицером генерального штаба по аллеям Булонского леса.

Велосипед и другие машины для передвижения обогащают своих фабрикантов и порождают *новый спорт*, которому я воздержусь дать оценку.

Что же касается до верховой езды, то она в забросе, тогда как также легко устроить привлекательные конские состязания, как и велосипедные гонки.

Мы не перестанем повторять, что теперь требуют непременно спокойную лошадь, когда собираются сделать прогулку по аллеям; и, возвращаясь домой, чувствуют себя удовлетворенными, что показались перед публикой, которая только смеялась над этими современными центаврами, сидящими на лошадях, которые их везли.

И эти же спокойные люди пугаются смертельно, когда их лошадь делает легкий прыжок, испугавшись чего-либо неожиданного.

Мы настаиваем на том, что нужно всеми средствами возбудить любовь к лошади и к спортивным праздникам, в особенности учреждением национальной академии.

Цель верховой езды - охота и война.

Необходимо уметь хорошо ездить, знать, до некоторой степени, обязанности конюха и, наконец, сидеть на чистокровных, чтобы научиться хорошим аллюрам.

Но для всего выискивают препятствия.

Говорят, что в некоторых манежах ученики скучают. Но это дело директора найти способных и интеллигентных берейторов, которые сумели бы заинтересовать начинающих вместо того, чтобы вселять в них отвращение. Весь вопрос в этом.

Верховая езда это искусство из наиболее трудных.

Времени и подходящего физического строения вовсе недостаточно чтобы, я не скажу ездить на лошади, но хотя бы держаться на ней; существуют еще факторы, о которых очень мало заботятся.

Разве мыслимо назвать наездниками, например, молодых людей 27—28 лет, посещающих школу *Saint-Maixent* и берущих два урока в неделю, каждый по часу, в продолжение девяти месяцев, когда воспитанники Сен-Сирской школы, пехотинцы, которые раньше садились на лошадь и берут в продолжение двух лет, вернее восемнадцати месяцев, три урока в неделю, сознаются, что они еле способны держать поводья, что они не умеют

выезженную полковую лошадь заставить идти галопом с надлежащей ноги.

Многие гарнизоны состоять исключительно из пехотных войск. Что же происходит от этого?

То, что офицеры до капитанского чина не садятся на лошадь по крайней мере лет десять.

Верховая езда требует ежедневного упражнения, если хотят достигнуть положительного результата.

Этому может помочь только учреждение академии верховой езды, отнесенной к департаменту земледелия; если я настаиваю на этом предмет, то

это происходит от сознания, что мои идеи разделяются армией и многими лицами, сочувствующими моим пожеланиям.

Ведь копируем мы с англичан их спортивные нравы, почему же не подражаем им, следуя их примеру, покровительствуя профессорам верховой езды, которые по ту сторону пролива пользуются очень большим уважением.

Верховая езда требует усовершенствования, и очень немного надо, чтобы внести в это дело прогресс, который изгонит всякую рутину и введет методическое обучение, способное подготовить молодежь к суровому военному ремеслу и даст возможность офицерам резерва и запаса продолжать упражнения в езде.

Курс, который будет проходиться в академии, будет заключаться в обучении посадке всадника, сохранению положения на лошади и управления ей на трех аллюрах, включая сюда и перемену ног на галоп, что необходимо для уверенности всадника и легкости движений: лошадь должна галопировать с правой ноги, чтобы сделать поворот направо и наоборот.

Работа на полном карьере начнется, как только это будет возможно, т. е. когда ученики приобретут в манеже правильную посадку и достаточное знакомство с употреблением средств управления при ведении лошади тремя аллюрами.

С этих пор уроки на карьере и в манеже будут чередоваться между собой; впоследствии мало помалу число первых будет увеличиваться и, наконец, ученики будут упражняться только на свободе, но не в манеже, будут брать препятствия на лошадях все более строгих и энергичных; в заключении они изучат выездку лошади.

Каждый год ко времени иппических конкурсов ученики, наиболее преуспевшие, будут допускаемы к участию в них, по назначению главного руководителя, на подготовленных к тому лошадях.

Это будет поощрять их рвение во время прохождения курса, и служить хорошим примером для публики.

Призы и почетные отзывы будут присуждаемы комиссией конкурса.

Понятно, что подобными средствами можно возбудить и распространить любовь к верховой езде.

Так как всякое серьезное изучение должно быть основано на методе ясной, точной и однообразной, исследованной со всех сторон, то министр земледелия совместно с военным министром назначать собрание из двенадцати человек штатских и военных, известных за людей компетентных в этом деле, и поручать им по совещании, большинством голосов, составить кодекс верховой езды, в котором каждый принцип будет редактировать в форме урока; таким образом, будет введено однообразие в изучение.

Выгода этого будет весьма значительна: каждый наездник *a priori* будет в состоянии ездить на каждой лошади, выездженной согласно установленным принципам; теперь обыкновенно приходится изучать лошадь прежде, чем ею

пользоваться; тогда же и конь и всадник будут говорить на одном языке и легко поймут друг друга.

Возрают, быть может, что установить однообразную методу трудно, даже невозможно, что в этом деле каждый считает себя правым, держится своих идей и мало расположен, идти на уступки; но это ведь ничто иное, как признак посредственности: люди, действительно выдающиеся, обыкновенно скромны, охотно прислушиваются к чужому мнению, они знают, каких трудов, какой работы стоил приобретенный ими опыт и в силу этого более расположены к уступкам.

К тому же позволительно верить, что патриотическая жилка еще достаточно жива, чтобы люди, призванные оказать громадную услугу искусству верховой езды, поступились своим самолюбием и обсуждали бы спокойно каждую вещь, предварительно хорошо все взвесив.

В таком важном деле, как мы его понимаем, необходим хороший выбор обучающихся; чтобы они имели большее значение, нужно им придать постоянный отпечаток.

Главного шталмейстера (*l'ee uer en chef*) мог бы назначать сам министр, шталмейстеры и их помощники набирались бы административным составом по предложению главного шталмейстера и утверждались бы в должности министром.

Мы думаем, что познания по анатомии и физиологии необходимо требовать от человека, имеющего дело с лошастью.

Как мастеровой знает инструмент, которым работает, собирает его, и чинит, также разве не полезно человеку знать организм животного, с которым он имеет дело ежедневно, от которого требует длинных и трудных пробегов, крайних усилий?

Разве не полезно знание количества и рода работы, которую можно требовать от животного без ущерба для него; средств, которыми поддерживаются и восстанавливаются его силы; знание анатомии ноги, этого важнейшего органа, от качества которого зависит, главным образом, ценность лошади; правил ковки и многочисленных последствий небрежной ковки; умение отличать пороки, обесценивающие лошадь.

Только анатомия и физиология освещают все эти вопросы; следовательно, очень важно, чтобы все ученики знали иппологию.

Человек, которому придется иметь дело с лошастью, должен также уметь управлять и запряженной лошастью. Чтобы быть хорошим кучером, необходима также предварительная подготовка. Нужно познакомиться с правилами управления одиночкой, порой, четверкой, тандемом. Кроме того, нужно уметь седлать, взнуздывать, запрягать лошадь, хотя бы для того, чтобы иметь возможность заметить неправильность в этих операциях и указать, как их поправить.

К сожалению теперь все хотят достигнуть цели, не идя к ней.

Топчутся на месте в продолжение каких-нибудь тридцати уроков и думают, что в искусстве верховой езды они достигли высоты Д'Абзака и др.

Это искусство достигается путем долгого и трудного изучения и более, чем какое-либо другое, требует врожденных способностей, не говоря уже о подходящем сложении. Чтобы приобрести посадку, легкость руки, такт, способность чувствовать лошадь, одним словом, чтобы вести лошадь, а не быть ею везомым, необходима постоянная практика, нужно работать на ипподроме, брать препятствия, чтобы сделаться сносным наездником.

Если анналы истории нам повествуют, что во все времена верховая езда была почетна во Франции, то мы вынуждены признать, что никогда она не была в таком упадке, как теперь.

Я осмелюсь сказать своим современникам не то, что они дурно ездят, но, что они совсем не умеют ездить. Это происходит оттого, что на верховую езду смотрят как на легкое развлечение, скорее показываясь на красивой и дурной лошади, кое-как сидя на ней, в известных местах и в известные часы, назначенные модой, нежели, ловко управляя строптивым животным, наружность которого не привлекает внимания.

Прежде всего, нужна *картинка*.

Между красивой головой, гармонично приставленной к длинной, гордой шее, и округлым крупом, от которого отделяется весьма элегантно, но крайне неловко, хвост, сидит человек в принужденной спокойной позе. Он может быть удовлетворен, проходящие скажут или подумают: «Красивая лошадь! Она должна стоить очень дорого», следовательно, он богат. Все в этом!

Таково настоящее искусство верховой езды.

Никогда так много не ездили верхом, как в наши дни и никогда, быть может, не ездили так скверно.

Это – факт, не безразличный в эпоху, когда все призываются к службе в армии. Наша кавалерия набирается из молодых людей, три четверти которых совершенно не знают, что такое лошадь, а оставшаяся четверть слегка догадываются об этом.

Всякому известна важная роль, которую играет кавалерия в современной войне. Воспоминание о прусских уланах должно служить постоянным уроком нам.

Из такого положения вещей вытекает, что, строго говоря, во Франции не существует верховой езды.

Каждый ездит на лошади, следуя своему вдохновению; всех едущих верхом в Париже можно разделить на две категории, резко различные: несколько блестящих личностей, особенно преданных этой отрасли спорта по врожденной склонности, догадавшиеся о том, что они не изучали, и полнейшие ничтожества; средних между ними нет.

Первые были бы еще лучше, если бы получили, хотя первоначальное воспитание; другие с трудом могут проехать тихо на спокойной лошади.

Ссылаются на пример Англии, чтобы оправдать такое положение вещей, но пример выбран неудачно.

Во-первых, у англичан есть врожденная любовь к лошади, что совершенно отсутствует у французов; я укажу, как на доказательство этого, на существование многих лошадиных пород в их стране, обладающих специальными качествами в зависимости от их назначения, тогда как мы в деле разведения самостоятельной породы все боремся со встречающимися затруднениями и не можем победить их более половины столетия.

Затем, в Англии люди, с детства, привыкшие к лошади, имеют большую практику, так как это упражнение считается столь же важным, как и всякое другое изучение.

Охота на лисицу – великая школа, потому что волей-неволей нужно или сидеть хорошо в седле, или отказаться от нее.

Там не ограничиваются кабинетной теорией, но делом доказывают, чего стоят лошадь и всадник; каждого судят по заслугам, по его делам.

При подобном специальном устройстве и таких нравах можно обойтись без школ верховой езды; это понятно.

Совсем не то у нас, особенно с тех пор, как верховая езда, не будучи привилегией небольшого кружка людей, сделалась, в некотором роде, общим достоянием.

Верховая езда, как почти все на свете, подчинена известным законам, от которых нельзя уклоняться без опасения сделаться вредным или смешным.

Посадка человека и баланс лошади являются результатом изучения, без чего нельзя достигнуть согласования того и другого.

Постоянная, ежедневная практика, совместно с естественным чутьем, могут иногда дать то, что гораздо скорее достигается при помощи профессора.

Из всего этого вытекает, что быть наездником вовсе не есть естественное свойство человека, но для этого необходимо обучение, также как и для обращения с оружием, для танцев, музыки и рисования.

Можно иметь способность специально к верховой езде, также как и к другим вещам, но если она не подчиняется правилам и не развита обучением, она всегда недостаточна или неполна, и только обучение может исправить это.

Спросите как-нибудь у людей вполне компетентных, они вам скажут, что искусство находится в упадке. И этому нечего удивляться, так как ничего не делается, чтобы поддержать его.

Франция во все эпохи считала себя обязанною покровительствовать искусствам; верховая езда когда-то поощрялась более, чем что-либо другое.

Изучение верховой езды связано с издержками, от которых свободно обучение другим искусствам, и страна сознавала, что, распространяя это знание, она придает силу кавалерии и сбыт коннозаводчикам.

Теперь всякая промышленность, всякое искусство, самое ничтожное, находят широкую поддержку правительства; только верховая езда

предоставлена заботам частных лиц, которым она может доставить только разорение.

Не мудрено, что она приходит все более в упадок, не смотря на рвение отдельных лиц сохранить добрые традиции, и вскоре о ней останутся лишь смутные воспоминания.

Девять десятых тех всадников, которых вы встречаете в Булонском лесу, не имеют никакого понятия о правилах верховой езды; они держатся как-нибудь на седлах, едут не всегда туда, куда хотят и аллюром, каким придется.

Это также похоже на езду, как малевание на живопись, таперство на музыку, игра слов на остроумие.

И это забвение, и игнорирование всех традиций и принципов оправдывается довольно легко обычной рубрикой «Верховая езда на воле, на свободе. На английский манер и т.д.»

О! Никто не спорит против этой «свободы». Те джентльмены, которые прогуливаются по авеню Булонского леса, находят аллеи не достаточно широкими, так как их нельзя перейти без риска столкнуться с кем-нибудь.

Вместе с тем эта ссылка на подражание англичанам, наверно, не польстит нашим соседям. То, что существует у нас вместо верховой езды, не имеет названия ни на одном языке, да и не существует ни в одной стране.

Когда-то французские наездники были первыми в свете, потому что тогда сознавали всю важность основательного обучения для приобретения этого искусства и поддержания его.

Это доброе время миновало, и его традиции вскоре забудутся совсем.

Уверенная посадка в соединении с элегантною правильностью аллюра, правильное положение всадника и, самое важное, - «ощущение лошади», что составляет резюме всех инстинктивных и приобретенных качеств всадника, вот чего теперь не хватает и что вскоре совсем исчезнет, если о сохранении их не позаботится.

Можно ли сказать, что теперь нет таких профессоров, какие были раньше? Нет, у нас еще есть наездники, репутация коих признана всеми.

Но их чересчур ограниченное количество.

Есть зло, которое следует устранить. *Жюль Пеллье*, известный специалист, выступавший против индифферентности нашей молодежи, так объясняет в сочинении «Образец верховой езды» причины, породившие упадок искусства и его изучения:

«Пока директоры манежей содействуют распространению своих принципов, их школа еще может образовать настоящего наездника; но с тех пор, как они для удовлетворения публики начнут уступать ее желаниям, сейчас же исчезнет различие между профессором и любым предпринимателем, осмелившимся назваться учителем верховой езды; и молодые люди предпочитают уроки, которые их забавляют, урокам, приносящим им настоящие познания. Как только антрепренеры манежей, серьезно относившиеся к своему делу, не будучи

в состоянии перенести убытки, причиненные отсутствием учеников, были вынуждены уступить требованиям моды, - упадок искусства совершился».

И зло все более растет. Много учреждений, где преподавали знаменитые учителя, должны были закрыться потому, что ученики там скучали, как только их заставляли бросать стремяна для приобретения посадки, уверенности и правильности положения туловища, этих основ изучения.

А вместе с тем это необходимо, потому что лошадь на ходу сохраняет баланс, и колебания туловища всадника немедленно передаются лошади и вызывают соответственное движение.

Иногда ученику приходится упражняться в продолжение года и больше на французском седле без стремян, под строгим и неусыпным наблюдением. Ничто не проходит незамеченным; как только он принял положение, уклоняющееся от строго правильного, ему немедленно о том напоминают. Это единственное средство выучить ездить.

Каждый человек инстинктивно стремится, сидя на лошади, поднять колени и нагнуться вперед. Тогда как необходимо привыкнуть делать как раз обратное, не думая об этом.

Каждый всадник, который заботится о своей посадке и думает, как он сидит в седле, не может оказывать воздействия на лошадь. Все его старания направлены к тому, чтобы «не упасть». Он сжимает лошадь, опирается на повод, - человек более не существует! Это мячик в руках играющего.

В седле нужно сидеть как в кресле, совершенно покойно, но, сохраняя способность свободно распоряжаться своими действиями, в особенности движениями рук и ног.

Нужно уметь действовать теми и другими сообща и порознь, не имея надобности думать об этом: это должно делаться по привычке, в некотором роде инстинктивно, механически.

Эту легкость, свободу движений, эту уверенность в себе может дать вам только «езда в манеже без стремян», но езда долгая, до тех пор, пока вы не будете хозяином самого себя. И только после такого упражнения можно судить, способны ли вы сделаться наездником, без него же нельзя уметь ездить. Иногда смелость, любовь и молодость дают возможность ездить так или иначе верхом, но когда лета дадут себя почувствовать, это сделается невозможным.

Рассматривая верховую езду с другой стороны, забывают, что она не только есть дело моды или забавы, но служит хорошим физическим упражнением, наиболее благородным, содействует правильному физическому развитию человека, уменьшает последствия передающихся по наследству туберкулеза и алкоголизма, противодействует неправильному развитию детей в больших городах, вырождению расы, так как она заставляет работать весь организм. Преимущество ее перед другими упражнениями то, что она никогда не может быть чересчур утомительной, ибо работу можно по желанию регулировать.

«Верховая езда оказывает на органы чрезвычайно полезное действие,

говорит *М.Леви* в трактате о гигиене, во-первых: в силу обратного действия оказываемого ими, во вторых, по причине прямых впечатлений, которые они получают».

Робкие движения новичка в манеже, изучение беспокойных движений лошади, род борьбы, которая устанавливается между всадником и лошадей, соревнование, впечатление быстрых и разнообразных движений, известное удовлетворение от возможности проходить большие пространства и с большой скоростью, - вот те ощущения, кои незнакомы пешеходу, для которого, как говорит Вольтер, прогулка есть одно из неприятных удовольствий.

Кроме того, верховая езда разве не есть лучшее средство против всех недугов, которыми одержимы люди, занятые кабинетной работой, бюрократы, против переутомления молодых людей, принужденных нести чрезмерную работу, против болезненности учащихся, против упадка физического развития рас?

Men sana in corpore sana, таков был девиз школы в Салерно в XV столетии, где физическим упражнениям отдавалось столько же внимания, сколько и духовным, чем давалась солидная подготовка для жизненной борьбы.

Изо всех физических упражнений верховая езда всегда останется упражнением *par excellence*, как наиболее развивающее ловкость в ученике.

Она способствует правильному обращению крови, дыханию, заставляя работать все наши члены, все мускулы в совокупности, вырабатывает точность в движениях.

Когда-то она пользовалась общей любовью и развивалась с успехом в двух манежах: при королевском дворе и в военной школе; теперь же за исключением школы Сомюра нельзя назвать ни одной, где бы серьезно к ней относились.

Почему же мы не обзаведемся академиями или манежами, единственными учреждениями, которые в состоянии возбудить любовь к лошади?

Глава 3.

Верховая езда в старину.

Я знаю, что во все времена хорошие наездники были редки, но должен сказать, тем не менее, что мы насчитываем нескольких, имена которых с гордостью упоминаются в анналах наших манежей.

Со времени Гризоне, слава которого выше его заслуги, до Боше, минуя Плювинель, ля Гериньер, де Люберсак, де Нейлли, де Нестье, д'Овернь, де Буа д'Ефр, д'Абзак и д'Ор, искусство верховой езды все время прогрессировало.

При посредстве этих учителей выработалась Версальская школа верховой езды, при которой искусство достигло своего наибольшего развития.

Авторитет Версальской школы был признан всей Европой; о ней знали те, кто никогда ее не видел, приезжали и добивались разрешения воспринять науку из наиболее чистого источника. Это была более, нежели школа верховой езды.

Она имела характер национального учреждения, призванного поддерживать наше превосходство в специальности, которая в эту эпоху имела большое значение.

Деятели в этой школе являлись бывшие офицеры Республики. Бонапарт, на все обращавший внимание, придал ей новый блеск. Бурбоны, по их возвращении во Францию, позаботились поставить во главе ее таких достойных людей, как д'Абзак, де-Горзак и Шаррет де Буафуко.

Версальская школа, по-моему, не имела, собственно говоря, самостоятельной методы, но она следовала лучшим методам, выработанным ранее.

Ее превосходство заключалось в том, что хорошего результата обучения она достигла подходящими средствами и постепенными упражнениями, сначала давая ученику правильное и непринужденное положение на лошади, и только впоследствии позволяя ему пользоваться средствами управления, не производя сильных движений. Более того, трудности при обучении все возрастали, если только это не вредило посадке.

Что касается до воспитания лошадей, характерной чертой школы была замечательная последовательность в работе; принципом было – идти от простого к сложному, призывать на помощь интеллект лошади и останавливаться подолгу на трудных упражнениях.

Ученики Версальской школы владели посадкой и своими действиями, не противопоставляя бесполезно руки ногам, как это можно увидеть в любое время у называющих себя наездниками, когда они с трудом добиваются от лошади искусственного аллюра, который всегда чувствуется по сопротивлению, оказываемому лошастью.

Безусловно признано, что *l'homme de cheval Франсуа Робишон де ля Гериньер* есть основатель французской школы.

Он оставил исследование, которое нельзя назвать методическим, но, тем не

менее, очень научное и практическое, хотя оно не имеет достаточно рационального основания.

Мы обязаны де ля Гериньеру главным образом тем, что он научил посадке более правильной и свободной, что всегда будет делать честь Франции.

Де ля Гериньер родился в Нормандии, в окрестностях Кана; в марте 1715 года он прибыл в Париж; в 1719 году он открыл манеж, на углу улиц де Вожирар и де Турнон; но, принужденный разойтись со своим компаньоном Кольмениль, в 1724 году он принял в заведывание манеж Тюльери, который он преобразовал с согласия короля и по желанию принца Карла Лотарингского, бывшего главным шталмейстером Франции (*grand escuyer de France*), в настоящую кавалерийскую школу.

Превосходный практик, он усовершенствовал преподавание и учил своих многочисленных учеников всему, что необходимо на войне, анатомии лошади и заботам о ней и, при помощи хирурга, показывал операции на случай необходимости их произвести.

Будучи сам учеником де Вандейля, фамилия которого заведовала более столетия королевской Академией в Канне, де ля Гериньер понимал необходимость писаного руководства и написал пособие, где изложил свои познания ясным, правильным, изящным слогом.

Эта книга – замечательное сочинение, все части его тесно связаны; она полна истин, которых время не могло поколебать. Эту книгу и в наши дни можно рекомендовать с большим успехом. Главы, трактующие о верховой езде и выездке, ничуть не уступают и даже превосходят современные сочинения по этому вопросу, и знаменитое «плечом в манеж» (*epaule en denans*), плохо понимаемое в наши дни, очень хорошо.

Упрощая приемы выездки, он учил всадника держаться в седле равновесием, при правильном положении туловища.

Он предписывал подавать сидение вперед, чтобы теснее обнимать лошадь, пятки должны быть несколько вывернуты, нога свободна, но устойчива.

До де ля Гериньера не существовало основательной системы обучения лошади, *пируэтам и полу пируэтам* (*pirouettes et demi-pirouettes*); что так употребительно теперь в каруселях.

Система, которой он держался, пользуется приемами высшей школы верховой езды: «работа на четырехугольнике де ля Гериньер».

Эта работа заключается в езде двумя следами по четырехугольнику в четыре, шесть метров, смотря по росту лошади. Лошадь заставляют делать в каждом углу четырехугольника четверть пируэта прямого или обратного, в зависимости от того, как шла лошадь, относя зад в манеж или к барьеру.

Повторяют эту же работу на короткой рыси и уменьшают постепенно стороны четырехугольника до тех пор, пока лошадь не будет вынуждена пассажировать на длине своего туловища или — поворачиваться на одной ноге рысью (*pirouetter*).

Пассажировать лошадь на длине ее туловища есть квинтэссенция работы на рыси прежней школы: при этом трудном упражнении лошадь переступает передними ногами в одну сторону, а задними в другую.

Затем переходят к следующему упражнению на четырехугольнике, но уже на *галопе в два темпа (terre a terre)*, более ритмичном, нежели обыкновенный галоп; при этом галопе лошадь одновременно ставит на землю сначала обе передние ноги, затем обе задние, это, собственно говоря, ряд маленьких прыжков, очень низких, над самой землей, причем лошадь идет несколько боком.

От галопа в два темпа один шаг до езды полу курбетам (*mezair ou demi air*), что составляет также последовательные прыжки, при которых передние конечности поднимаются выше, чем на галопе, но для прыжков более низких, настильных, более длинных, нежели при курбете.

Понятно, что лошадь, обученная полу курбетам вдоль барьера в углах манежа не замедлит сделать четверть пируэта.

Спокойствие и чистота движений достигается постепенно и стороны четырехугольника постепенно уменьшаются до тех пор, пока не будет достигнут полный пируэт на переду или на заду лошади.

Курбеты, двойные вольты, прыжки, галоп в два темпа и все подобные движения, которых можно достигнуть, только вполне владея лошадью, которые требуют постоянного воздействия на лошадь, продолжительного действия шпор, употреблялись де ля Гериньером только в виде исключения.

Ля Гериньер, прекрасно понимая, что лошадь не может быть выезжена, не будучи в распоряжении руг и ног всадника, что может быть достигнуто только гибкостью шеи, отчетливым знакомством с шенкелем и со шпорами, употреблял именно эти средства, чтобы заставить лошадь повиноваться.

Его любимым упражнением, после того как лошадь работалось на корде, приучалась к человеку, и когда ее воспитание настолько подвинулось вперед, что ее можно ездить на мундштуке, было «плечом в манеж».

«Этот урок, говорил он, настолько полезен, что я смотрю на него, как на первый и последний из всех тех, которые даются лошади, чтобы выработать полную гибкость и развязность всех ее членов. Это настолько действительно, что если лошадь, выезженная таким манером, будет испорчена в школе или каким-либо невеждой и ее заставят несколько дней проделать этот урок, она делается такой же поворотливой и легкой, какой была раньше. Это упражнение развивает плечи; мало помалу лошадь передаст центр тяжести на задние ноги, и будет избегать шпор».

Все упражнения ля Гериньера проделывал, чтобы развить передние и задние ноги лошади; только он требовал от лошади меньше, так как хотел меньшего достигнуть.

Он советует еще разнообразить сгиб шеи в зависимости от сложения лошади.

«Сгиб, который дается управлением, придает лошади хорошую постановку; но его объясняют различно искусные учителя. Одни хотят, чтобы лошадь была просто изогнута, при чем шея полу повернута таким образом, чтобы лошадь смотрела внутрь вольта лишь одним глазом, другие требуют, чтобы шея была изогнута полукругом, чтобы внутрь вольта смотрели оба глаза.

И то, и другое имеют свои основания, но я думаю, что меньший сгиб, не так затрудняет лошадь и она легче поддается вперед, нежели при втором положении, при котором вдобавок некоторые лошади совсем опускают морду, так что касаются концом ее груди».

Де ля Гериньер совершенно прав: кавалерист должен знать, куда направит обучение, которое должно разнообразиться сообразно с натурой лошади, ее силами, ее назначением.

Если чрезмерный сгиб, о котором говорил ля Гериньер, могущий заставить иных лошадей очень низко опускать голову, можно требовать с пользой от имеющих тугую шею и несущих ее высоко, чего же достигнут если его будут требовать и от лошади склонной опускать голову?

Неизбежные уклонения от общих принципов могут быть оценены людьми, имеющими дело с лошадыю; думать, что по неизменному рецепту можно выездить первую попавшуюся лошадь, было бы большим заблуждением.

Вообще де ля Гериньер значительно подвинул вперед искусство верховой езды; формирование большого числа кавалерийских частей привело его к мысли, что необходимо иметь курс езды менее научный. Он следовал системам де ля Бру, Ньюкэсля и Плювенеля, но усовершенствовал их.

Рекомендуя работу, которая развивала бы зад и перед лошади, он сохранял у нее крайнюю мягкость рта и не считал выезженной лошадью ту, которая слушается ног и шпорь, но желал управлять лошадью простыми движениями поводьев.

Одним словом он старался направить инстинктивные силы лошади к исполнению требуемого; его теории, — теории практика, умелого наблюдателя, продолжавшего работу предшественников.

Принципы, которыми он учил, были разумны и естественны и с полной справедливостью де ля Гериньера называют «отцом настоящей верховой езды».

Он умер в Париже 2 Июля 1751 года.

Глава 4. **Версальская школа.**

После ля Гериньера оставалось только поручить комитету шталмейстеров заботы о сохранении методы, об удалении всего излишнего и прибавлении с большой осторожностью новшеств, часто бесполезных, которые могли бы быть предложены.

К несчастью, об этом мало заботились; каждый толковал по своему наставления учителя; появились, так называемые, новые системы, увеличились трудности через различные переделки, делались без конца добавления.

Претендовали на то, что их системы опирались на научные данные, тогда как они ими совсем не владели или владели очень несовершенно; вдобавок, их теории не могли быть точно введены в практику верховой езды; и так, под знаменем прогресса, школа все более и более сбивалась с истинного пути.

До революции Версальская академия считалась всеми лучшей в свете. С начала царствования Людовика XIV все короли, и принцы Франции обучались в ней, она хранила заповеди ля Гериньера и она же внесла в них поздние изменения, вызванные появлением иных лошадей и быстрых аллюров. Этим мы обязаны Франсуа де Гарзо, Дюи Казо де Нестье, Брюне де Нейлли, маркизу де ля Бинь и другим замечательным шталмейстерам, которые управляли этим манежем.

Виконт д'Абзак, который стоял во главе Версальской академии, понимал лучше других принципы де ля Гериньера, освободил их от всего лишнего и бесполезного, сто осталось еще со времени Плювинеля и чему де ля Гериньер, хотя с некоторыми изменениями, но все же следовал.

Д'Абзак желал ездуну поставить более широко; он предчувствовал тот переворот, который должен был совершиться в этом искусстве.

Ввоз во Францию английских лошадей, которые поступали под седло участникам королевских охот, скачки, увеличение кавалерии понемногу вселяли сознание, что следует подготавливать лошадь к более свободным аллюрам.

Деятельность берейторов не заключалась в том, чтобы учить лошадь парадировать и утомлять ее всевозможными бесполезными упражнениями, но была направлена на сохранение ее сил, на выработку правильного аллюра. Упражнения имели целью дать лошади эластичность и свободу движений; ее обучали лишь для того, чтобы сделать ее податливой и покорной воли всадника.

Кроме двух братьев д'Абзак в этом же направлении работали и военные берейтора, как Боган, д'Овернь, Моттэв де ля Бальм, Мельфор. Они, быть может, еще более ощущали необходимость изменений: их делом было обучение нашей кавалерии.

Отличительными чертами верховой езды, практиковавшейся в Версальской школе в эту эпоху, были замечательная тонкость управления, особенный такт и

чувствительность. Всякое насилие было, безусловно, изгнано.

Наездник и лошадь, казалось, двигались в полном согласии, и никакое заметное движение не выдавало секрета его постороннему зрителю.

В это время смеялись над грубой манерой, при которой шпоры не покидали боков лошади, при которой всадник двигался всем туловищем, и тем заставлял лошадь произвести сильную и порывистую работу, или одно из тех странных и неестественных движений, которые приличествуют более ученым собакам и, во всяком случае, рассматриваются с механической стороны, нисколько не помогают верховой езде; с точки зрения искусства это – ересь.

Положение всадника было свободно, элегантно и правильно вместе с тем, безо всякого принуждения или распущенности. Лошадь подвигалась естественно, свободно, легко, «грызя удила» (*goutant son mors*). Работа была утонченная, грациозная, очень приятная на вид. Непринужденная посадка, еле уловимое сжимание ног, незаметное движение пальцев руки давали всаднику полную возможность управлять лошадью.

Животное как бы повиновалось собственному побуждению, а не указанием кого-либо.

Оно подчинялось беспрекословно этой «железной руке, одетой в бархотную перчатку» и охотно, живо исполняло требуемое, «прочно на зад и легко на кареду», как тогда выражались.

Верховая езда есть именно удовольствие, моральное и физическое, как это не странно покажется многим. Чтобы его чувствовать необходимо, разумеется, обладать способностями к езде и страстью к лошади.

При наличии того и другого езда представляет из себя неистощимый источник изучения и удовольствия, более того, - наслаждения.

В манеже при искусных движениях лошади, при отчетливых прыжках, наиболее трудных, или под открытым небом на чистокровной лошади мчась по полю со страшной быстротой, всюду есть своя поэзия, очарование, наслаждение!

Заботы, беспокойство, скуку, дурные воспоминания вы оставляете сзади себя, несясь как бы на крыльях ветра в мир грез, где желанное счастье!

Это величайшее наслаждение из дарованных нам Богом: никакое другое не приносит меньше разочарований, ни одно нельзя так легко возобновить.

Возвращаясь к Версальской школе, мы заметим, что лошади, выезженные замечательно тонко, были послушным инструментом в руках игрока. Если игрок попадался неумелый, — животное волновалось, сбивалось с толку, сопротивлялось грубому управлению и кончало тем, что перебрасывало неосторожного через голову, как бы говоря ему: «Поди, поучись сначала!» Кто же виноват? Несомненно, человек.

К несчастью революция причинила большой вред всем искусствам, и более других потерпела верховая езда.

Версаль, поддерживаемый королевскими щедротами, прекратил свое

существование с королем. Другие школы также закрылись, и наши шталмейстеры или покинули Францию, или пали в сражениях.

Конвент скоро заметил, как вредно отразилось отсутствие школы на обучении верховой езде.

Он пожелал восстановить учреждение, которое считал необходимым, но не успел привести в исполнение свое намерение.

По счастью, Директория продолжила его усилия, и школа была создана.

Версаль снова сделался военной школой езды.

Но это не был уже академический манеж прошлых лет, призванный сохранять добрые традиции и способствовать прогрессу. Рациональная, логическая, утонченная, артистическая езда исчезла; он подготовлял, притом крайне поспешно, инструкторов в полки.

Только при реставрации Версаль вернулся к прежним традициям, и оба д'Абзак приняли заведывание манежем короля.

Но это было не то. С появлением кавалерийской школы езды молодые люди покинули Версаль, где обращалось большое

внимание на правильность посадки. Это было основанием обучения и это весьма понятно. Такого рода езду более не желали: копировали все, что было военное. Офицеры приобрели привычку вести лошадей на слабом поводу, и все молодые люди считали *bon ton*-ом выставлять чрезмерно вперед ноги и распускать лошадь.

Когда все поступают дурно, то самоуважение подсказывает подражать этому из боязни быть смешным, делая хорошее.

В это время подражали всему английскому, но англичанам на их седле легко было принять эту странную посадку, крайне неудобную и противоречащую всем принципам; у нас этой езды, мало похожей на английскую, держались во все время реставрации.

Понятно, как непривлекателен для молодых людей был Версаль, где они должны были бы подвергнуться долгому и трудному обучению.

Большой ошибкой было то, что, затративши много на организацию школы, не пригласили на службу иностранных подданных, которые, получив воспитание в школе, применили бы его на практике. Это дало бы спасительный толчок науке верховой езды, которой способствовал бы королевский манеж; первые шесть лет он, несмотря на количество лошадей, достаточное для подготовки более ста человек, имел своими учениками только служащих при придворной конюшне, подготавливая из них пикеров, нескольких молодых людей среднего класса и очень незначительное число привилегированных учеников; учившихся для себя, но не с целью передать свои знания другим.

И все-таки Версальская школа была лучшая из школ.

Никто не мог так воспитать лошадь, как это достигалось в школе, терпением и временем, тогда как в смысле управления лошадью в Европе было несколько человек обладавших этим драгоценным талантом.

Версальская школа могла бы принести большую пользу, не будь она основана в эпоху индеферентизма.

Ее реформа произошла в 1830 году; те немногие, которые оставались, покинули ее и добрые, святые традиции были утеряны.

Искусство было изгнано еще Наполеоном - когда он подписал 8 марта 1809 г. декрет о создании в С. Жермене кавалерийской школы, долженствовавшей заменить Версальскую академию.

После Версальской школы появилась верховая езда другого рода, полная жизни и энергии, мало научная, но соответствовавшая вкусам времени.

Турнир и карусели, где лошади парадировали укороченными аллюрами, уступили место скачкам, охоте, словом тому, что принято понимать под «ездой на свободе». (*L'equitation large*).

Этой езде, полной естественности и смелости, мы обязаны настоящей верховой ездой.

Если бы она справлялась с принципами, то стояла бы выше всех других, как дающая возможность широко пользоваться лошастью.

Версальская школа, благодаря утонченной науке, точно соответствовала вкусам и артистическим чувствам общества до революционного времени, общества, служившего моделью всей Европе.

Но последующие события так все изменили, что это прошло, как проходит все на свете.

Научная верховая езда, существовавшая задолго до нас, не может заполнить пробела.

Хотя она и пережила общее крушение, но она была практикуема - дилетантам и сильно отличается от наших привычек, наших взглядов на вещи.

И все-таки те, кто однажды вкусил этой научной езды, никогда не пожелают проехаться по аллеям Булонского леса на лошади, которая не выносит прикосновения шенкелей и сопротивляется действию поводьев. Понятно, что люди, ездившие только на таких лошадях не знают удовольствия, которое испытывает сидящий, на лошади спокойной, внимательной, аллюры которой легко урегулировать, отвечающей на малейшее движение повода.

Разумеется, неизбежные трудности в известного рода борьбе с лошастью имеют свое удовольствие, особенно если им сопутствует чувство удовлетворения при достижении желаемого от тупой лошади, но все же для этого нужно никогда не иметь дела с методической ездой.

Большой ошибкой было бы считать «высшую школу» совершенно излишней.

Каждый прыжок, каждое искусственное движение есть во всяком случае воспроизведение, кокетливо исполненное, но точное, тех положений или аллюров, которые необходимы в обыкновенной практике.

Также ошибутся те, которые будут думать, что манеж исключает быстрые аллюры и что обучение в нем ничему не помогает в этом отношении. Большое

заблуждение!

Для доказательства противного укажем на имена наиболее известных джентельменов - райдеров нашей эпохи, которые не имеют себе равных: виконт де Воблан, капитан Аллуар, де ля Мот, виконт де Монтеко, Артур Талон, де Сент Жермен, граф д'Еври, Мэкензи Гривс, герцог де Граммон, граф де Коссет, маркиз де ля Бинь и др., все они начали свое обучение в манеже, что не помешало им принять участие в скачках с действительным превосходством над другими.

Глава 5. **Езда на свободе.**

По странной случайности шталмейстером, олицетворяющим в глазах наших современников, последние принципы Версальской школы, считается тот, кто наиболее отдалился от них и менее других имел с ними общего.

Я говорю про графа д'Ор, последнего директора Версальской школы. Будучи великим наездником, он без сомнения оставит след в истории верховой езды; если он когда-нибудь злоупотреблял своим владычеством над лошастью, то он преследовал свои цели.

Воспитанный в традиционных принципах, граф д'Ор понимал что под влиянием новых условий они должны быть изменены и в каком именно направлении. Еще до падения Версаля он наметил себе цель, к которой надо было стремиться и стал подготавливаться к введению новых принципов, по его мнению, долженствующих служить основанием верховой езды на свободе (*l'equitation de dehors*), и приспособлять к ним обучение.

Д'Ор чувствовал что нужно согласовать прежние принципы с новейшими требованиями и кроме того он хотел доказать что наездники времен Людовика XVIII и Карла X, так блестяще представлявшие французскую школу, могли легко управлять любой лошастью и лучше тех, кто не знаком с наукой.

Главным образом он известен как практик высшей пробы, что именно и позволило ему остаться во мнении других - учителем.

Он обладал всеми данными для той роли, которую он выбрал: блестящий наездник, с особенно развитым тактом и тем чувством, которое вырабатывается практикой высшей езды, энергией и настойчивостью он добивался от лошадей того, чего не могли достигнуть даже искусные наездники.

Кто не слышал о фокусах графа д'Ора? Не видели разве его садящимся без всякой подготовки на чистокровных жеребцов, которые давно не ездилась, и показывавшим на них штуки удивлявшие зрителей.

Даже такой выдающийся наездник не мог бы оставить заметного следа в деле изучения этого искусства, если бы он был только актером, его слава умерла бы с ним, и следующее потомство забыло бы его весьма скоро.

Но д'Ор не из тех, кого ближайшее поколение предаст забвению, так как он сильно способствовал прогрессу теперь завершившемуся.

Не будучи методическим теоретиком, он предусмотрел лучше других современные требования.

Д'Ор оставил после себя сочинение, имеющее отпечаток истинного чувства, полное вдохновения, которого всегда много у великих практиков.

Но ведь верховую езду нельзя постигнуть, не практикуясь много и под хорошим наблюдением. При том трудности этого искусства таковы и мы так устроены, что если учитель не покажет сам примера, то ученик сочтет упражнение за весьма трудное, даже неисполнимое.

Это особенно верно в верховой езде. Наконец разве не замечалось, что ученики лучше преуспевают у учителя наиболее ловкого в езде.

Отсюда громадное превосходство д'Ора.

Хорошая и долгая служба лошади зависит от того, как она началась. Молодую лошадь никогда не следует торопить в работе, наоборот нужно иметь терпение, чтобы дать ей время развиваться; "наконец нужно различать, что именно она может дать".

Что может быть справедливее этого? И сама простота изложения, способствующая лучшему пониманию идей, гораздо ценнее quasi-научных изысканий некоторых теоретиков.

Далее, согласно с прежними учителями и с полным основанием он рекомендует употребление корды и капцунга, но в особенности советует хорошенько приучить к ним молодую лошадь и прежде чем пробовать на нее садиться, сделать ее тихой и доверчивой. Он говорит:

«Когда лошадь привыкнет к капцунгу, человек держащий корду будет ласкать лошадь, чтобы внушить ей доверие; наездник осторожно к ней приблизится, сядет на нее и слезет несколько раз и, наконец, пробудет некоторое время в седле, если она перестанет бояться его движений»... Далее он прибавляет: «Работа на корде продолжается до тех пор, пока лошадь не будет совершенно доверчива и не привыкнет к управлению руками, тогда ее можно работать на свободе».

Он формулирует это мудрое предписание: «Когда животное будет на свободе, его заставляют делать ту работу, к которой оно привыкло на корде.

На прежнем месте, производя привычную работу, оно обыкновенно слушается, не оказывая сопротивления; наезднику будет легче познакомить его со средствами управления. Когда лошадь привыкнет к ним, можно выводить ее наружу, чтобы познакомить с видом различных предметов. Очень хорошо при этих прогулках брать в спутники старую лошадь, которая служила бы молодой проводником и приглашала бы (sic) ее проходить мимо предметов, которых она испугалась бы одна.

Прогуливаясь с проводником, она испытывает большую охоту идти вперед, и сама начинает «опираться на руку», т. е. ляжет в повод, что необходимо для правильного, точного управления».

Д'Ор был еще молодым когда писал это. В последних строках уже проглядывает основная идея графа или, вернее, *raison d'être* его обучения, которая мне кажется, и до сих пор не оценена по достоинству. Свой принцип он объясняет в другом месте оригинальным сравнением.

«Я не могу лучше объяснить положение лошади управляемой таким образом, как только сравнением со слепым, которого ведет собака: когда веревка натянута, слепой, чувствуя своего проводника, идет за ним доверчиво, если натяжение слабо, проявляет неуверенность».

Это сравнение дает ключ к пониманию системы д'Ора и к тем применениям, который он хотел внести не в старинную школу, так как еще де ля Гериньер рекомендовал «твердую и легкую опору», но в изучение, которым преследовалось сделать лошадь гибкой и поворотливой, им я в виду работу на небольшом пространстве. Одним словом д'Ор хотел согласить заветы прежней школы с новыми требованиями, который он прекрасно понимал.

Еще задолго до падения Версаля д'Ор постиг заблуждения прежней верховой езды и ее несоответствие современности. Теперь не признавалась необходимость работы в манеже укороченными аллюрами в ограниченном пространстве.

Следовали примеру англичан, требуя на свободе свободных аллюров; охота, скачки и т. п. - такова была новая верховая езда.

Желали только одного - идти прямо перед собой наиболее свободным аллюром и, по желанию, идти, возможно, резвее.

Это было почти все, что спортсмены, любители требовали от своей лошади.

Д'Ор дал два принципа, значение которых, быть может преувеличено, но все же они в соединении с системой должны лечь в основу обыкновенной верховой езды.

Первый - что нужно в начале выездки достигать свободного побуждения лошади; второй - положение головы и шеи лошади должно находиться в зависимости от быстроты аллюра, таким образом «твердую и легкую опору», восхваленную прежними авторами, следует увеличивать при более сильном аллюре.

Против последнего можно возразить. Если какая-нибудь лошадь долго упражнялась в более или менее искусственных движениях аллюрами, требующими легкости руки, и потому не имеющая привычки переносить малейшего натяжения повода, то она будет сокращать мышцы крупа и шеи при всяком давлении повода и шенкелей, т.е. собираться.

Такая лошадь не может так легко идти быстрым аллюром и, никогда не будет иметь достаточной энергии.

Все-таки д'Ор принадлежал к прежней школе и только в силу предвидения необходимых уступок времени он сумел остаться учителем.

Так, он указывал на необходимость «сбора» (rassembler) лошади для того, чтобы владеть ею вполне; но этот сбор он понимал по-старинному, совершенно не так как практиковал Боше.

В конце концов блестящий шталмейстер Версаля желал, чтобы лошадь была чутка, чтобы можно было говорить с нею на ее языке, и легко бы поднималась в любой аллюр, но так как он лучше других понимал, что всегда у всадника существует тенденция искать связи со ртом лошади при посредстве поводьев, то он и рекомендовал два средства для посылы лошади вперед и приучения ее опираться на удила.

Очевидно, однако, что по его мнению требуется лишь естественное напряжение шеи, наиболее благоприятное для действия рук, будь то, как объясняет Боше от дурного баланса, когда голова несколько перевешивает, или от местного сокращения мышц в силу естественного противодействия.

Таким образом, напряжение шеи, дающее точку опоры, согласованное с быстротой аллюра, вернее, с сокращением, вызванным движением, имеет два основания: оно поддерживает свободу аллюра и облегчает управление.

В этом случае для того, чтобы задержать или остановить лошадь нужно, чтобы руки действовали несколько вверх, тогда как при свободе рта и шеи нужно только натянуть повод.

Но, чтобы в некотором роде предупредить лошадь о намерении всадника необходимо действовать ногами, чтобы подобрать зад; об этом не надо забывать.

Есть две главных причины желать, чтобы наездник, прежде всего, позаботился бы о выработке у лошади свободного побуждения идти вперёд и известного напряжения шеи, которое даёт возможность действовать поводом помимо желания задержать лошадь.

Во первых, молодая лошадь всегда стремится идти вперёд и естественно опирается на повод, если же она чувствительна к шенкелям, то всадник в любой момент может парализовать это движение; во вторых то, что лошадь, всегда стремящаяся вперёд, лучше переносит ошибки управления и удобней для простых смертных, тем более, что останавливать или управлять лошадью легче, чем её высылать вперёд.

Как бы то ни было, с точки зрения практики принципы последнего шталмейстера Версальской школы имеют свои основания и годны для людей, занимающихся обыкновенной верховой ездой. Единственным заблуждением знаменитого импровизатора было то, что он хотел приложить свои принципы к научной езде (*savante*) и, следовательно, не знал настоящие требования правильного «сбора», т.е. того, которого первым является отсутствие напряжения шеи, так как оно влечёт за собой ненормальною напряжённость зада, стесняет лошадь и вредит её гибели.

Граф д'Ор был врагом научной езды, и его доктрины можно резюмировать так: «*En avant! toujours en avant, et encore en avant!*»

Он упрощал свои уроки настолько, насколько это было возможно. Обыкновенно он ограничивался переменой направления, переменой ног и иногда, только для более сильных учеников – работой в два следа, очень простой и свободной.

Это строгое, практическое обучение было вполне достаточно для нашей эпохи, и можно сказать, что д'Ор учил широко пользоваться лошадью, что, конечно, лучше, нежели давать подобие науки, с которым далеко не уедешь.

Чего нельзя одобрить, это то, что в своих последних сочинениях он через чур критиковал Боше. Тем не менее, следует признать, что его понимание нужд верховой езды заставило его высказать много истинного.

Можно сознаться, что граф д'Ор разделял некоторые заблуждения своих предшественников, но следует прибавить, что многие доктрины, высказанные им в первых сочинениях, он потом оставил и даже отказался от них.

Во всяком случае, нельзя забыть громадных услуг, оказанных верховой езды этим великолепным наездником, положительном, положительно не имевшим себе равного.

Глава 6. **Научная езда.**

По справедливости можно сказать, что сочинение Боше более других наделало шуму между его современниками, так как этот учитель, с точки зрения научной езды, наиболее расширил границы своего искусства, и, кроме того, его теории,

Хотя и были сильно оспариваемы, особенно в начале его деятельности, очень привлекательны и часто содержат неоспоримые истины и служат, во всяком случае, отправным пунктом для *hommes de cheval* будущего.

Что касается до его принципов, быть может, было бы поспешно давать им оценку. Тем не менее, следует сознаться, что большая часть их с успехом применяются людьми, серьезно занимающимися ездой.

Во всяком случае, можно утверждать, что новый принцип Боше «руки помимо ног, ноги помимо рук», относящийся к равновесию, облегчает выездку с точки зрения обыкновенной верховой езды.

Существовало мнение, что, высказывая этот афоризм, Боше противоречил самому себе; это заблуждение; основы знаменитого новатора остаются те же, так как он всегда стремился сделать лошадь легкую (*legerete*) и найти равновесие, которое давало бы возможность легко перемещать всю массу.

Его верховой гений (*genie equestre*), если можно так выразиться, вел его всегда к этой цели.

Не бесполезно и не безынтересно будет вспомнить, что Боше, когда он учил в Руане, купил там пару нормандских пони; хотя они были очень смирны, тем не менее, в начале выездки оказывали сильное пассивное сопротивление действию удила.

Однажды Боше попробовал, сидя на одном из них, натянуть поводья приблизительно с такой же силой, с какой животное сопротивлялось им, и таким образом он нашел средство преодолеть это известное сокращение мускулов шеи и челюсти, - через несколько минут животное уступило, «собралось» (*ramener*) и стало послушно поводу.

«*Bienfaisant* (так звали пони) *avait rendu*», говорил об этом Боше.

Таким образом, принцип, служащий основанием новой школы, был найден: сбор делает лошадь слабоуздой, и так как все лошади должны уметь собираться, то, следовательно, будут и слабоузды, через что движения массы производятся легко.

Я осмелюсь добавить, что, рекомендую прежде всего полную легкость (слабоуздость) и кладя ее в основание своей системы, Боше, казалось, хотел на всех аллюрах поддерживать искусственно равновесие, имея лошадь всегда в сборе; всадник, не обладающий особенным тактом, незаметно уступит напряжению животного.

Сам учитель, руководимый чутьем, умел на практике свои через чур абсолютные доктрины применять с пользой, внося в них некоторые поправки, но его последователи и ученики, даже лучшие из них, не умели этого сделать.

В его руках лошадь, сохраняя требуемое равновесие, не теряла побуждения двигаться вперед.

Но то, чего он достигал легко, не удавалось тем, кто обладал меньшим чутьем (*sentiment equestre*).

Чем более могущественны указанные приемы, тем более они требуют этого чутья и «меры» в их применении.

Во всяком случае – не метода Боше трудна, но само искусство.

Что касается до других приемов, которые он рекомендовал, то ведь только с помощью их Боше удалось представить публике двадцать шесть лошадей, показывавших замечательные штуки и многие из которых были под амазонками, подготовившимися к этому в очень короткое время.

Кто не помнит замечательного жеребца, сделавшегося легендарным – Партизана, чистокровного, приобретенного только за 500 франков, потому что он был норовист, которого работа впоследствии была замечательно отчетлива; можно было бы назвать многих других, отличавшихся в высшей степени правильными движениям, чрезвычайно сложными, работавших различными искусственными аллюрами.

Интересно выяснить, почему теория Боше и его приемы были так сильно оспариваемы: многие искусные наездники, придерживавшиеся его методы, не могли достигнуть желаемых результатов, но это происходило оттого, что они не могли справиться с трудностями системы или, за отсутствием такта, не умели соблюсти постепенность и меру в приложении побудительных средств.

Все это несколько не уменьшает практической ценности новой методы, тем, более, что сам Боше говорил: «Я обращаюсь только к людям, посвятившим себя искусству верховой езды и имеющим при уверенной посадке большую привычку к лошади, понимающим все, что касается ее механизма».

Знаменитый наездник сам не сомневался в трудности приложения своих могущественных приемов, но, обладая чрезвычайным тактом, он без труда избегал практических неудобств своих замысловатых теорий; в случае надобности он вносил в них частичные изменения.

Эти трудности и были причиной того, что многие, находившиеся под влиянием традиционных принципов, отвергли приемы и методу Боше.

Находили также, что он основывался на сомнительных данных с точки зрения физиологии. Так, например, полагали, что он требует всегда крайнего напряжения мускулов, чрезмерной работы, не справляясь с тем, что животное может дать.

Такое мнение ошибочно, так как все доказывает, что он всегда имел в виду способности лошади.

Он сам говорит в одном месте: «Я всегда верил в интеллект лошади и на нем основал свою методу и все принципы, изложенные в этой работе. Благодаря такому мнению, подчиняя себе волю животного, я требовал от лошади то, что она может понять».

Но последнее обвинение имеет свои основания, так как он говорит: «Лошади, называемые неукротимыми те, которые обнаруживают наиболее энергии и силы, когда их заставляют принять, помимо их воли, какие-либо неудобные положения...»; Кроме того он говорит часто о *тугой лошади в силу дурного сложения*; наконец, во многих случаях он как будто соглашается, что нужно прежде всего заняться *физической лошадью*; по этому поводу у него можно найти замечательные вещи, например: «Нужно подчинять себе все силы, чтобы предупредить перемещения: отделять физическую лошадь от моральной и заставить ее впечатления оставаться в ее мозгу. Это будет яростный дурак, которому помешают привести в исполнение его мысли».

Боше, казалось, резюмировал свои идеи, когда писал: «Воспитание лошади заключается в приобретении полного господства над ее силами; располагать ее силами можно только сведя к нулю ее сопротивление, происходящие от физических недостатков».

При таком роде воздействия на животное, действия шенкелей вскоре оказываются недостаточными и, естественно, переходят к употреблению шпор все более строгих, чтобы достигнуть все более энергичного побуждения, сначала с места, потом и при движении, чтобы получить наибольшую *концентрацию сил*, если выразаться языком Боше.

Понятно, что лошадь, привыкшая к раздельному или совместному побуждению руками и ногами, не может уже освободиться от воздействия всадника; но в тоже время, очевидно, что лошади, которых сложение имеет недостатки, мало преуспевающие, требуют энергичного на них воздействия, но непременно постепенно увеличивающегося.

Имея такую лошадь и добившись от нее при помощи шпор удивительных результатов, один из учеников Боше воскликнул: «Прекрасно! Восхитительно! Но шпоры – это бритва в руках обезьяны».

Быть может не бесполезно упомянуть здесь, что многие кавалеристы и даже наездники не поняли хорошо способ употребления шпор, как понимал его Боше когда говорил: «Да, именно шпорами я умеряю жар через чур пылкой лошади и прекращу наиболее яростные ее порывы». И он так делал.

Но как же он этого достигал? Это важный вопрос. Мне кажется, что он никогда не высказывался полно по этому предмету; я осмелюсь утверждать, что это простое упущение наиболее вредило недостаточному распространению новой методы и давало повод ко многим заблуждениям с практической точки зрения. Также можно сказать и о многих других вещах, в особенности о различии действий ног и рук, раздельного или совместного.

Разумеется, Боше прекрасно давал себе отчет в своих действиях и в глубоком различии, которое должно существовать между действием шпорами с целью побуждения, или наоборот, чтобы остановить лошадь возможно скорее.

Тем более досадно, что он не упоминает об этом. Шпоры есть одно из средств управления, но не орудие наказания; следует начинать действовать ими на месте и в указанной последовательности, в тоже время потихоньку натягивая повод, чтобы достигнуть полного сбора.

Когда желают энергично послать лошадь, то шпоры действуют самостоятельно, безо всякого движения рук; иначе всадник непременно подастся вперед.

Но когда, наоборот, требуется остановить внезапно животное, то шпорами действуют совсем иначе: ноги приближаются к бокам лошади до соприкосновения с ними, руки энергично натягивают повод и корпус несколько откидывается назад.

При таком обращении лошадь скоро понимает требования всадника и, так сказать предупреждает наше управление. Я не перестану повторять: в деле обучения лошади ее интеллект – все; всегда нужно иметь в виду его.

Мне кажется, что если Боше и не высказался подробно об употреблении шпор, то это оттого, что, обладая особенным чутьем, он считал это столь естественным, что не задумывался над тем. В то же время он всегда полагался на чутье тех, кто его окружал; это видно из рассказов его учеников.

Недоступность его методы происходит именно от его могущества над лошадью, его непостижимом такте, чутье и находчивости в выборе способа воздействия на животное.

Он предполагал, что и другие, применяя те же приемы, достигнут аналогичного результата.

Но все это имеет лишь второстепенную важность, когда захотят судить о всех его сочинениях вместе и нисколько не уменьшает значения истин, которые этот учитель из учителей нам оставил.

Глава 7.

Выездка лошади после д'Ор и Боше.

Необходимо сказать теперь о том, что учитель понимал под правильным балансом всей массы, а также рассмотреть его мнения о требованиях прежних учителей и в особенности его знаменательного антагониста графа д'Ор.

Мы не касаемся вопроса о перемещении центра тяжести неизбежном при различных движениях.

Мнение Боше может быть оспариваемо, но безусловно то, что он сумел из него многое извлечь.

Ошибкой было его утверждение, что его предшественники требовали от лошадей баланс совсем другого рода, и что его противник (граф д'Ор) держался особого по этому вопросу мнения.

Он утверждал, что основатели французской школы требовали центр тяжести располагать ближе к заду лошади, сравнительно облегчая перед, а граф д'Ор наоборот рекомендовал облегчить зад, перенося тяжесть на передние ноги.

С одной стороны, судя по гравюрам представляющим де ля Гериньера и де Нестье верхом, такого рода баланс требовался от лошадей, если можно так выразиться школьных, которым приходилось «работать на зад», как тогда говорили, что давало действительно блестящие аллюры. Но это не требовалось от лошадей работавших на свободе, ибо никто так легко не вел лошадь при обычной езде, как наши прежние наездники.

Что же касается до баланса, который граф д'Ор придавал своим лошадям, он не может, очевидно, быть таким, каким определил его Боше в своих последних сочинениях.

Д'Ор требовал, чтобы школьная лошадь была бы вся в руках всадника, но в тоже время ее зад был бы не обременен.

Правда, последний обершталмейстер Версальской школы указывал, что при езде на свободе перед лошади должен быть нагружен более, нежели зад, но, во всяком случае, не в такой пропорции, как можно было бы предположить по уверениям Боше.

Если сравнить баланс, который находили лучшим для школьных лошадей прежние наездники и граф д'Ор, то следует отменить, что у первых перенесение тяжести с переда на зад достигалось сокращением, собранностью зада, а граф д'Ор с этой целью несколько поднимал, облегчал перед.

Как бы то ни было, нельзя не предпочесть баланс, рекомендуемый Боше, т.е. когда тяжесть всей массы распределяется равномерно на все четыре ноги, если только отдают себе отчет в цели, которая этим достигается, - Полное подчинение лошади воле наездника.

Признавая, что такого рода баланс имеет свои неудобства, а именно - парализует инстинктивные силы лошади, можно утверждать, что экстраординарное чутье учителя возмещало этот недостаток.

И только благодаря этому балансу мы имели случай любоваться превосходными лошадьми, которые нас до такой степени поражали своими движениями, что мы только впоследствии стали анализировать и обсуждать те могущественные средства, которыми пользовался д'Ор.

Теперь можно перейти к следующему вопросу: каким образом в конце своей карьеры Боше отодвинул на второй план практику, которая дала такие необыкновенные результаты и провозгласил превосходство новых принципов, по-видимому, противоположных первым?

Но лучше предоставить самому Боше объяснить, что привело его к новым приемам.

«При таком равновесии (балансе), говорит он, я изменяю более или менее недостаточную конструкцию моих лошадей, я достигаю временами очень большой легкости, но она уменьшается при новом движении, при перемене направления... и, несмотря на успехи, достигаемые этими лошадьми, я каждый день наталкиваюсь на что-либо, что еще не достигнуто, тогда как при новом балансе мне не остается ничего более желать».

При искусственном балансе, который может быть сохранен только постоянным воздействием рук и ног, легкое сопротивление или скорее ослабление усилий должно иметь место каждый раз, когда всадник пожелает переместить аллюр, произвести новое движение, даже при перемене направления, так как он будет вынужден на некоторое время прекратить свои действия, чтобы дать новые указания; следовательно, животное выйдет из искусственного положения, в котором оно находилось.

Боше говорил сам как-то: «Лошадь может сохранять правильное и постоянное равновесие только под влиянием усилий, искусно применяемых всадником».

Не находя в этом средства достижения постоянной легкости лошади в смысле управления, что он считал основанием, своего учения, он был вынужден, наконец, искать иного средства.

Нужно заметить, что, достигая изумительных успехов, учитель имел больные ноги вследствие одного несчастного случая и не мог ими действовать, теряя, таким образом, часть своей власти над лошастью.

Быть может, этому обстоятельству мы обязаны появившейся позднее теорией.

Быть может также, он, наконец, сознал, что его могущественные приемы для сохранения концентрации сил трудно исполнимы; тогда, естественно, могла придти ему идея, найти равновесие легко поддерживаемое, которое давало бы абсолютную легкость, чего он всегда добивался.

Принцип «руки помимо ног, ноги помимо рук» мне кажется должен быть сохранен в практике; простое движение рук вверх для распределения веса массы имеет непосредственное влияние, прекращение же этого движения

представляет лошадь ее собственным силам, что не может иметь места при совместном действии рук и ног.

Луч света, казалось, осветил Боше, когда он писал: «Посмотрите на лошадь, бегающую по лугу, какая гибкость, какая легкость в движениях!»

Как это не похоже на его слова: «Лошадь, как бы не была она благоприятно сложена, требует предварительного упражнения, чтобы располагать своими силами» и т.д.

По-моему учение Боше о придании искусственного равновесия лошадям мало пригодным для школьной работы будет всегда очень полезно; в результате рекомендуется то, что требовали наши прежние наездники, допуская это для неблагородных натур.

Если Боше сказал «всякая лошадь имеет сбор», то можно утверждать также, что всякая лошадь, мало-мальски годная под седло, при известном сокращении мышц зада, может дать полный сбор (*rassembler correct*), т.е., когда тяжесть несколько более падает на задние ноги, что придает блеск работе.

Следует особенно отметить, что при таком сборе применение аллюра или направления не сопровождается никаким сопротивлением ощущаемым рукой, которое неизбежно при через чур искусственном равновесии, т.е. когда вес распределен равномерно.

При рассмотрении всех работ Боше нельзя не удивляться его гениальным способностям: он сумел найти новые приемы после того, как прежние доставили ему большой успех, и создал новую теорию на новых основаниях, кажущихся противоположными его прежним.

Что можно поставить ему в упрек это то, что он не справлялся с интеллектом лошади, тогда как теперь никто не отрицает, что интеллект лошади – это все. И граф Ланкосм-Брэв с полным основанием утверждает, что «воля, служащая причиной движения, это воля самого животного».

Без сомнения на практике Боше чрезвычайно был занят духовной стороной лошади, но он не признавал необходимости этого.

Если разобраться хорошенько, то можно найти все в том, что писал этот необыкновенный наездник; ему мы обязаны целой массой самых искусных приемов, которые было бы через чур долго перечислять здесь, для ознакомления с предметом и достижения послушания.

Его работа о хлысте особенно ярко показывает, каким множеством средств он обладал.

И разве ему не удалось в последнее время утилизировать на особый лад капшунг, - инструмент, пользу которого он признавал в начале, а кончил тем, что чрезвычайно искусно воспользовался им, чтобы облегчить работу своих учеников и избежать ошибок руки, имеющих очень скверные последствия.

Будучи на смертном одре, в последний момент он дал указание своему любимому ученику (генералу Л'Готт), очень ценное, относительно движения

руки; этот факт доказывает, что он был в полном смысле слова человек искусства.

Одна из многочисленных услуг оказанных нам Боше та, что он научил нас, что большую часть тупость лошади зависит от сокращения шеи и челюстей и нашел целую серию средств предупредить и побеждать это.

Кроме того, можно сказать, что он дал нам полную теорию владения руками будь то для противодействия инстинктивному движению головы лошади или применительно к известным сокращениям.

По этому вопросу ничего нельзя сказать после него.

Верховая езда будущего, езда без сомнения рациональная, будет в состоянии добавить к его сочинениям только, что духовная сторона лошади есть все; что прежде всего следует озаботиться сделать лошадь спокойно и внимательной, обращаться к ее интеллекту, что она пони мала наши требования.

Также весьма важно действовать постепенно; искусство состоит в том, чтобы при воспитании лошади переходить методически от простого к сложному не ранее как удостоверившись, что лошадь хорошо поняла наши первые указания.

Тогда все средства, какие нам дал учитель, приобретут еще большую ценность; их совершенно достаточно, говоря вообще, чтобы достигать того, что мы в праве требовать.

При выезде лошади, прежде всего, следует поставить себе целью – облегчить лошадь, сделать ее гибкой.

Мы рассмотрим средства, коими достигается легкость, равновесие, гибкость, трактуемые всеми авторами как необходимые для выездной лошади.

Только выездкой можно вернуть молодой лошади ту гибкость, которую утратила она на заводе, получая мало овса или сделавшись тяжелой и неповоротливой, побывавши несколько раз в упряжи.

Граф д'Ор и Боше придерживались разных систем, к разбору которых мы и перейдем.

Начнем с графа д'Ор.

Что касается до сгиба шеи, то шталмейстер Версаля утверждает, что большая или меньшая его величина зависит от того, как желают пользоваться лошадью.

Когда хотят работать укороченными аллюрами, то сгиб должен быть больше; голова должна быть почти в перпендикулярном положении, тяжесть всей массы передана на зад, что достигается шпорами.

«Без сомнения, говорит он, чем более вы преодолеваете сопротивление лошади, тем легче управлять поводьями, тем легче сдержать или остановить лошадь. Но истинная верховая езда заключается в умении направлять импульс лошади, а не уничтожать его. В последнем случае мы легче соберем лошадь, задержим ее, но в то же время очутимся в затруднении, когда понадобится более быстрый аллюр».

Именно в этом отношении школа де ля Гериньера превосходила систему Ньюкэсла, который заходил так далеко, что его лошади были способны к упражнениям, правда весьма эффективным, но исключительно на коротких аллюрах.

Де ля Гериньер наоборот, проделывая ту же работу, лучше сохранял силы лошади и ее способность к быстрым движениям.

Сокращая шею лошади, мы тем парализуем мускулы передней части туловища, но лошадь может развить надлежащую быстроту лишь вынося вперед голову, передавая центр тяжести вперед, облегчая тем движения зада; как же голова может принять это положение когда мускулы, управляющие ею и поддерживающие ее парализованы?

Раз этого нет, - все движения будут неуверенны, колеблющиеся всегда, когда пожелают идти с большей скоростью.

Вот почему Грizon, сторонник свободных решительных аллюров, желал, чтобы лошадь имела «свободную шею».

Граф д'Ор признает, что следует на лошадь воздействовать руками и ногами: первые служат поддержкою, вторые действуют побуждающие.

Он высказывается далее: «таким образом лошадь будет послушна; и я нахожу в этом еще то преимущество, что будучи в состоянии заставить лошадь работать на коротких аллюрах, в то же время мы можем развить быстроту, на которую она только способна; можем свободно и стремительно вести ее на любое препятствие, что при других методах невозможно».

«Вот почему я никогда не посоветую сгиба шеи, при котором парализуются мускулы переда, так как мы хорошо знаем, что они необходимы для движений. Чего следует добиваться – это опоры на поводья и знакомства с действием их».

«Как уже было говорено раньше, для этого достаточно иметь известную устойчивость руки и действовать ногами, что бы заставить лошадь «лечь в повод».

«Чтобы увеличить быстроту аллюра нужно побуждать к тому лошадь ногами и в то же время ослаблять сопротивление рук, чтобы дать ей возможность вытянуть шею, чем тотчас же достигается более сильная опора на руку».

«Чтобы уменьшить аллюр, наоборот, сперва прекращается воздействие ног, руки поднимают и приближают несколько голову лошади и, когда тяжесть будет передана назад, ноги поддерживают корпус лошади. Работая таким образом, увеличивая и уменьшая аллюр, лошадь приобретает эластичность; ее рот будет постоянно иметь связь с рукой всадника».

«Эту опору на руку я считаю весьма важной в верховой езде; это единственное средство дать уверенность лошади в движениях, заставить ее идти смело на препятствия и не бросаться в сторону от предметов, которые ее пугают».

«Побуждаемая ногами, поддерживаемая поводьями, опираясь на удила, она

вся будет в вашем распоряжении и не уклонится нисколько от пути, по которому ведет ее всадник».

«Лошадь же осаженная на зад с чрез чур согнутой шеей будет неуверенна, не свободно будет брать препятствия и имеет все данные обойти пугающие ее предметы. Очень часто лошадь сгибает шею именно для того, чтобы сопротивляться воле всадника, - такой прием употребляется ею, когда она не желает идти вперед. Этим ее движением пользуются при работе на небольшом пространстве, когда все средства употребляют, чтобы сократить аллюр, можно им пользоваться и в том случае, когда лошадь закусывает удила или имеет тугую шею; во всяком случае, этот принцип не может быть возведен в общее правило».

По поводу сгиба шеи д'Ор прибавляет: «Если необходимо собрать лошадь, чтобы она стала грызть удила, то вот гораздо более рациональное средство, которое делает гибкими ганаши и шею, - подавать голову вперед или назад, не сгибая ее ни направо, ни налево, тогда шея, послушная руке, будет вытягиваться или сокращаться, смотря по надобности аллюра».

«Ничего нет легче как достичь этого, так как оно согласуется со строением лошади».

«При этом действия ног и рук дополняют друг друга, и связь со ртом лошади никогда не теряется».

Д'Ор указывает как следует поступать когда на передние ноги падает преимущественно тяжесть лошади.

Каждый раз, объясняет он, когда лошадь выходит из спокойного положения, чтобы двигаться вперед, она опирается на удила.

Эта опора различна в зависимости от индивидуального строения и чувствительности лошади. Когда шея тяжела, не гибка, когда голова лошади сыра, плохо поставлена, то с вытягиванием ее обременяются плечи, - лошадь опирается на руку; когда перед слабее, менее развит, нежели зад при движении лошадь также требует поддержки; когда тугость ляжек и скакательных суставов, отчего бы она не происходила, не дает возможности заду быть достаточно гибким, чтобы распределять правильно вес, плечи будут так же, как и в первых случаях обременены и лошадь обопрется на руку.

Наездник располагает средствами для борьбы с этими затруднениями.

Когда шея жирна и пряма, а голова тяжела и плохо поставлена, то лошадь опирается на повод, опуская и удаляя голову. В этом случае, прежде всего, следует шею сделать гибкой.

Во втором случае нужно энергичнее действовать ногами, чтобы сильнее сокращать мускулы задних ног и поводом передавать тяжесть массы назад. При остановке следует почти отдавать повод, чтобы лошадь, не встречая в нем опоры, переносила бы тяжесть на зад, который поддерживается ногами. Такая работа производится, пока лошадь не привыкнет устойчиво располагаться на задних ногах, тогда несколько строже действовать поводом, чтобы установить

голову и урегулировать плечи.

Когда лошадь подается всей тяжестью вперед, то она обыкновенно задирает голову, вытягивает шею и лишь неуверенно опирается на удила. В этом случае необходимо опустить ниже руки с поводьями и оказывать на ее рот легкое, но постоянное давление, что заставит лошадь увереннее взять удила.

Когда эта опора будет приобретена, то на шагу делают повороты, затем останавливают ее, заставляют ее осаживать, действуют порознь поводьями.

Когда эти упражнения будут прodelьваться легко и правильно, - голова примет лучшее положение.

В то время как руки будут действовать таким образом, ноги будут свободно опущены, они будут только поддерживать зад, не давая лошади пятиться или принимать в сторону.

После того как голова приобрела точку опоры, всадник начинает работать задние ноги, чтобы развить их и дать надлежащую постановку заду. Я думаю, что если хотят начать работать правую ногу, то следует взять поводья в правую руку и ими поддерживать голову и не допускать движения переда. Левая рука будет действовать на левый повод, чтобы повернуть переднюю часть налево и левая нога отнесет зад вправо. При этом движении правая нога будет оставаться спокойной за исключением того случая когда понадобится умерить через чур сильное воздействие левой ноги. Если движение левой ноги окажется недостаточным, то приходится прибегнуть к шпорам, их дают чувствовать легкими ударами в продолжении движения; если же лошадь все таки не слушается или, как это иногда бывает, прижимается к сапогу, то нужно сильно ударить ее шпорой, чтобы откинуть зад вправо. Во все это время руки всадника должны быть неподвижны, сохраняя поворот передней части налево, поскольку это нужно для отнесения заду вправо.

Как я только что объяснил, эта работа производится отдельно; начинают с той стороны, которая более туга.

Если вести упражнения постепенно, справляясь с силами лошади, то результат достигается быстро, если же форсировать, торопиться, то лошадь легко может начать дурить, становиться на дыбы, опрокидываться или бросаться вперед, закусывать удила, одним словом, совершенно выйти из повиновения.

Нам остается теперь изложить систему, которую Боше развил в своей «Методу верховой езды».

«Долгое и внимательное наблюдение, говорит автор, мне показало, что каковы бы ни были пороки сложения лошади, мешающие правильному распределению сил, всегда это отражается на шее.

Каждое фальшивое движение, каждое сопротивление начинается с сокращения этой части туловища; а так как рот находится в связи с шеей, то тугость одного несолено сообщается другой.

Эти два пункта служат опорными точками для лошади каждый раз, когда

она захочет сопротивляться усилиям всадника.

Многочисленные затруднения, происходящие отсюда, станут понятны, если мы вспомним, что шея и голова представляют два главных рычага, при посредстве которых управляют лошадью; невозможно чего-либо добиться от лошади, не будучи полным хозяином этих средств для воздействия на нее.

Части зада, наиболее сокращающиеся при усилиях, - это крестец и ляжки. Сокращения переда и зада зависят друг от друга, т.е. сокращение шеи влечет за собой сокращение ляжек и наоборот; и как только мы научились парализовать их противодействие, как только достигли гармонии и равновесия, которым препятствовало сложение животного, лошадь может считаться наполовину выездженную.

Чтобы развить эти части, их повергают соответствующим упражнениям».

Рекомендуется упражнять наименее развитые части лошади – не все одновременно; тогда обучение будет идти успешнее.

Выездка хорошо сложенной лошади имеет целью только научить лошадь уступать нашим требованиям; в случае же если лошадь имеет недостатки, то нужно гораздо более спокойствия и уверенности.

Относительно вопроса в каком порядке упражнять различные части животного не может быть сомнения; авторы рекомендуют начинать с важнейших, - со рта и шеи.

Голова и шея лошади служат для всадника одновременно и рулем и компасом.

Через них он управляет лошадью, по ним же он судит о правильности, рациональности своих движений.

Когда они сокращены и непокорны – всадник ничего не добьется, если же они гибки и уступчивы, то он распоряжается лошадью по своему желанию.

Опыт Боше указал, что необходимо одновременное развитие шеи и ганашей, так как сокращение одной шеи ослабляет мускулатуру ганашей и тем облегчает в некоторых случаях сопротивление удилам.

Упражнение рта. Лошадь выводят поседланную и взнузданную. Убедившись, что удила хорошо вложены и цепочка мундштука достаточно натянута, так, что между ею и нижней губой можно просунуть палец, всадник помещается впереди плеч лошади, раздвинувши несколько ноги, чтобы стоять устойчиво.

Чтобы упражняться в сгибании направо, он возьмет правый повод правой рукой в шестнадцать сантиметров от удила и левый повод левой рукой в расстоянии лишь десяти сантиметров.

Затем он приблизит правую руку к себе и отодвинет левую так, чтобы перекосить мундштучное железо во рту лошади. Усилие, с каким будет сделано это движение, должно быть постепенно и пропорционально сопротивлению шеи и рта, чтобы не вывести лошадь из спокойного состояния.

Если лошадь осаживает, чтобы избежать сгибания, то дальнейшего усилия

не делается, но руки вытягиваются вперед, чтобы помешать движению лошади и привлечь ее к себе.

Если лошадь знакома с хлыстом, то легко ей помешать пяться; осаживание чрезвычайно затрудняет сгибание шеи и головы.

Когда лошадь повернула голову, левой рукой повод берется на таком расстоянии, как и правой, обеими поводьями, равномерно натянутыми, опускают голову лошади и удерживают ее в повернутом в пол оборота и отвесном положении, пока она сама не будет держать голову именно таким образом.

Когда лошадь, грызя удила, будет послушна, то обучающий вознаградит ее тем, что ослабит поводья и через несколько секунд позволит принять естественное положение.

Сгибание налево производится также, и эти упражнения делаются попеременно.

Такие сгибания имеют целью научить лошадь уступать немедленно малейшему давлению удил и развивать мускулы, соединяющие голову с шеей.

Шея должна принимать положение, согласованные с положением головы, если же сгибаться будет только шея, то она будет давать указания голове, а не наоборот, как бы следовало.

Вышеописанная работа, развивая рот и голову лошади, сопровождается также и сгибанием шеи и значительно помогает лошади научиться брать надлежащую опору на руку.

Это упражнение есть первый опыт, который мы делаем, чтобы приучить лошадь к повиновению.

Крайне необходимо соблюдать умеренность в своих требованиях, иначе лошадь сразу будет стараться отделаться от них.

Всякое резкое движение будет удивлять животное, и оно не поймет, что от него желают.

Давление руки будет оказано постепенно и непрерывно, но оно будет увеличиваться или уменьшаться в зависимости от сопротивления и всегда будет повелевать лошадью без чрезмерных усилий.

Лошадь, которая в начале подчинялась воле лишь с трудом, в конце концов будет вполне послушна и привыкнет отвечать на малейшее движение поводьев, хотя бы раньше и заставляла делать большие усилия.

С каждым разом лошадь будет все послушнее.

Когда первые уроки будут пройдены, переходят к сгибанию головы в отвесное положение и к опусканию шеи.

Опускание шеи при прямом сгибании ганашей.

Всадник занимает тоже положение, как и при упражнениях сгибания вбок; он возьмет поводья трензеля в левую руку в шестнадцати сантиметрах от кольца, а мундштучные поводья в шести сантиметрах от железа.

Левая рука заставляя голову лошади опускаться, а правая дает опору рту.

Когда лошадь опустит свободно голову, обучающий тот час же прекратить всякие усилия и даст лошади принять естественное положение.

Это упражнение, часто повторяемое, даст эластичность сгибающим мускулам шеи, что играет важную роль в смысле противодействия лошади и облегчает, кроме того, прямые сокращения и опору на руку (*la mise en main*), которые должны сопровождать боковые движения головы и шеи.

Обучающий может проделывать эту работу один, но хорошо так же посадить в седло кого-нибудь, чтобы приучить лошадь к этим движениям под всадником. Сидящий на лошади может держать в руках поводья трензеля, совершенно не натягивая их.

При наклонениях и поворотах головы верхняя часть шеи тоже упражнялась, и поэтому очень важно, чтобы сокращения испытывала шея по всей длине, чтобы побороть ее тугость.

Заставляя опускать голову вниз трензельными поводьями, действуя только вниз, мы достигаем результата сравнительно не скоро; в этом случае следует перекрестить поводья, взять правый повод в левую руку и левый в правую на расстоянии семнадцати сантиметров от рта и тем самым оказывать более сильное давление на рот. Повторные упражнения таким способом приучать лошадь отвечать и на первое движение; разумеется если лошадь повинуется в первом случае, то бесполезно прибегать к такому приему.

Можно иначе воздействовать на рот лошади, чтобы заставить ее скорее опустить голову.

Нужно взять правый повод и натянуть его прямо по направлению к правому плечу, в тоже время левый повод трензеля вытягивается вперед таким образом, чтобы ногти обеих рук были обращены друг к другу и на одной высоте.

Эти два противоположные усилия заставят вскоре несколько вытянуть голову и уничтожат сопротивление.

Нескольких уроков будет достаточно, чтоб достигнуть желаемых результатов, которых нельзя получить так быстро другим способом.

Боковые сгибания шеи. Обучающий становится тем же, где и в предыдущие разы; он берет правый повод трензеля и натягивает, опираясь на шею лошади, чтобы удобнее противодействовать сопротивлению животного, левый повод поддерживается левой рукой на расстоянии тридцати трех сантиметров от удила.

Когда лошадь пожелает избежать давления повода и повернет голову на право, обучающий дает левому поводу свободно скользить в руке, чтобы отнюдь не мешать сгибанию.

Левый повод слегка натягивается в том случае, если лошадь вздумает уклониться от исполнения требуемого, относя зад влево.

Когда голова и шея совершенно повернуты направо всадник натяжением обоих поводьев приведет голову в отвесное положение.

Вскоре лошадь будет принимать это положение свободно и эластично, «грызя удила», и тогда можно перестать натягивать поводья, наблюдая, однако,

чтобы лошадь не воспользовалась этим моментом и сразу не изменила бы положения; от этого предохранить легкая поддержка правым поводом.

Когда лошадь пробудет в таком положении несколько секунд, ей передают первоначальное состояние левым поводом.

Очень важно, чтобы лошадь при всех этих упражнениях не проявляла собственной инициативы.

Сгибание в левую сторону производится также.

Обучающий может потом проделать тоже самое, действуя не трензелем, а мундштуком; во всяком случае сначала надо работать трензелем, его действие не так сильно и понятнее.

Лошадь, без сопротивления исполняющая эти упражнения, уже продвинулась вперед в деле выездки.

Упражнения заканчиваются тем, что всадник садится в седло и проделывает ту же работу на более длинных поводьях на месте.

Боковые сгибания шеи, когда всадник сидит в седле.

Чтобы повернуть шею направо, всадник возьмет поводья в обе руки и, слегка поддерживая левым поводом, правым более или менее сильно, смотря по сопротивлению, побуждается лошадь повернуть шею направо.

Лошадь вскоре устанет сопротивляться и поймет, что единственное средство избавиться от боли, причиняемой удилами, повернуть голову в ту сторону, с которой ощущается давление. После этого левый повод удерживает голову в отвесном положении; за сохранением нужно особенно следить, иначе сокращения будут недостаточны и сгиб не полный.

Всадник будет проделывать это упражнение в правую и левую стороны поочередно, трензелем и мундштуком.

Особенно следует добиваться полного сгиба верхней части шеи.

Время от времени можно проделывать эти упражнения на половину, таким образом, чтобы голова и верхняя часть шеи поворачивались независимо от остальной части шеи, которая служила бы им основанием или осью.

Это упражнение повторяют даже и по окончании выездки, чтобы сохранить эластичность и опору на руку.

Прямое сгибание шеи, или головы, или сбор. Всадник сперва будет пользоваться поводьями трензеля, которые держит в левой руке как мундштучные, правой рукой он возьмет те же поводья впереди левой, чтобы действовать ими сильнее.

Он постепенно будет натягивать поводья.

Как только лошадь уступит, правая рука тот час же приподнимает повод, чтобы уменьшить натяжение и тем вознаградить лошадь.

В это время, как руки действуют с усилением, пропорциональным сопротивлению, ноги слегка прижаты, чтобы удержать на месте зад.

Как только лошадь начинает уступать трензелям, она скоро приучится слушаться и мундштука, как более могущественного средства; это качество,

разумеется, заставляет нас пользоваться им с большой постепенностью.

Лошадь будет в полном подчинении, когда ее голова примет вертикальное положение, сопротивления исчезнут, когда лошадь примет, гремя удила, это положение.

Однако всадник должен внимательно следить за тем, чтобы сгибание было полное, чтобы лошадь не перехитрила его, собравшись наполовину, что сопровождается маханием головы.

Если нос лошади уклоняется от отвесного положения, то всадник должен придать ему таковое и некоторое время оставить так, держа руку неподвижно и твердо; всякая уступчивость поощрит сопротивление и увеличить затруднения.

Когда сбор достигнут, можно ослабить поводья, но всегда следует быть готовым удержать голову в этом положении при всякой попытке лошади изменить его.

Если же она почему-либо примет свое естественное положение, то необходимо ее снова собрать и дать понять лошади, что такое положение есть единственное, которое она должна иметь в руках всадника.

Сначала нужно приучать лошадь переносить действия ног, которые удерживают ее от движения назад; лошадь в отступательных движениях имеет средство уклониться от повиновения рукам всадника.

Как только лошадь будет исполнять все охотно и легко, как только будет достаточно малейшего давления, чтобы заставить ее собраться и привести голову в отвесное положение, ездок получает доказательство того, что обучение закончено, что гибкость и равновесие выработались у нее.

С эти пор управлять лошастью будет легко, так как наши указания будут ей понятны, и она будет сгибаться в надлежащую сторону без усилий с нашей стороны. Эластичность переда вместе с тем есть лучшее средство от излишнего сбора, который дают некоторые лошади.

Перейдем теперь к развитию зада лошади.

«Напрасно, говорить Боше, будут стараться сделать голову и шею эластичными, легкими, чувствительными к движениям руки, результат будет неполон, равновесие недостаточно, если круп останется тяжелым, сокращенным, сопротивляющимся прямым показаниям всадника... Разумеется, сопротивления переда поддерживают таковые крупы, и наша работа только тогда будет облегчена, когда первые уничтожатся».

Сокращения и движения крупа. Всадник возьмет поводья мундштука в левую руку, а перекрещенные поводья трензеля в правую, ногами вниз.

Он соберет сначала лошадь; затем если желает заставить отнести зад на право, он отнесет левую ногу назад и приложит шенкель сзади подпруги, пока лошадь не уступит этому давлению.

Если лошадь не повинуется, то нужно дать ей почувствовать повод с той же стороны. Эти два усилия, первое, побуждающее к действию, и второе – уничтожающее сопротивление, возымеют свое давление; говоря вообще,

достаточно отнести зад в сторону на один, два шага только.

Как только круп приобрел известную легкость движений, то можно будет проделать несколько обратных пируэтов вправо и влево.

Когда лошадь под давлением шенкеля относить зад в сторону, всадник должен поддерживать ее противоположным поводом, усиливая прогрессивно его натяжение, пока голова не будет повернута в сторону движения как бы для того, чтоб видеть свой зад.

Автор дает несколько объяснений по этому предмету и затем прибавляет: «Нет надобности повторить, что во все время этой работы, как и всегда, лошадь должна быть собрана. В то время как мундштук удерживает ее в этом положении, правая рука трензелем уничтожает сопротивления и заставляет выполнять различные повороты; лошадь должна быть настолько уже выезжена, чтобы повиноваться поводу.

Если же мы при упражнении зада позволим лошади распуснуть, если можно так выразиться, перед, то все наши труды пропадут даром.

Нога, противоположная той, которая побуждает к движению, не должна быть через чур отдалена, но быть на своем месте и не позволят сдвигаться лошади, давая ей импульс сзади на перед. Таким образом, одно усилие удержит лошадь на месте, а другое понудит ее повертываться. Чтобы действия ног не противоречили друг другу, нужно ногу, которая заставляет отклоняться зад, относить более «назад за подпругу, тогда как другая будет действовать с равным усилием на своем месте.

Для скорейшего получения результата можно вначале воспользоваться помощью другого человека, который, поместившись на высоте головы лошади со стороны, противоположной движению, возьмет в правую руку поводья и будет следить за инстинктивными сопротивлениями лошади; тогда сидящий в седле ограничиться лишь тем, что будет поддерживать свой повод и действовать шенкелями.

Несмотря на элементарность этой работы, ею достигается возможность работать лошадь шагом по двум следам.

Когда круп будет уступать малейшему давлению шенкеля, тогда всадник будет полным хозяином лошади и может исполнять обыкновенные пируэты».

Если я распространился о системе Боше более, нежели о таковой д'Ор, то это потому, что первый более разработал вопрос выездки, нежели верховой езды, внесши в нее научный элемент; он основывался на научных данных, которые нельзя изменить, которым нужно следовать пунктуально, чтобы не заблуждаться.

Эти правила неизменны и приложимы для всякой лошади.

Как машинист, чтобы быть хозяином своей машины, должен знать, на какую работу она способна и сообразно с этим, управлять ею, так точно и всадник должен знать свою лошадь; чтобы заставить машину работать, нужно следовать известным правилам, даваемым математикой и ничего удивительного

нет, что тоже самое необходимо для пользования механизмом лошади.

Естественные силы лошади.

У собранной лошади центр тяжести находится между руками и ногами всадника. Центр тяжести служит центром равновесия и малейшего усилия достаточно, чтобы нарушить равновесие, т.е. побудить лошадь к движению.

Верховая езда подчинена непреложным законам равновесия и тяжести определяемым силами лошади; это силы – механические, физические и моральные.

Механические силы. Лошадь весит 400-500 кило (25-30 пудов) в зависимости от роста и породы. Этот вес распределяется на конечности, на каждую пару ног поровну.

Корпус всадника, весящий 60-70 кило (4-4,5 пд.) должен принять положение, наименее стесняющее лошадь.

Всадник подчиняет себе механические силы, приводя их в равновесие; отсюда – *необходимость сбора*.

Собранная лошадь должна иметь голову поставленную отвесно, шею – приподнятую и возможно приближающуюся к такому же положению.

Я буду еще говорить о преимуществах такой постановки.

Вес головы и шеи, который мы облегчаем, отягчает плечи. Таким образом, мы приближаем его к центру тяжести, т.е. руке всадника.

Поводьями человек облегчает перед лошади, ногами он распределяет равновесие, заставляя подбрать зад.

Всадник должен чутьем определять сбалансирована ли лошадь.

В таком положении лошадь физически не в состоянии сопротивляться или сделать какое-либо движение.

Как пианист играет гимны прежде, чем перейти к серьезным вещам, как танцовщица проделывает «батман» и другие па прежде, чем выступить на сцену, так и лошадь должна иметь все свои члены развитыми, чтобы всадник не встречал сопротивлений. Упражнения необходимы.

С них нужно начать выездку и каждый день их проделывать даже с выездженной лошадью.

Дело наездника какому из видов упражнения отдать предпочтение, на каком дольше остановиться и т.д.

Физические силы.

Физические силы лошади зависят от ее сложения, развития суставов, величины углов, которые они образуют.

Эта сила распределяется по всему туловищу и имеет основанием голень ноги, которая опирается на землю и сообщает импульс движению.

Наука нас учит, что большие углы соответствуют большей силе. Следовательно, чем менее угол образуемый шеей и головой (за исключением крайностей), тем более чувствительна лошадь к натяжению поводьев.

Мы знаем, что чем более согнуть сустав, тем более силы может он проявить при движении. Чем больше импульс будет сообщен скакательным суставам, тем более перед лошади, поддерживаемый поводьями, отделиться от земли. Поэтому задние ноги лошади должны быть всегда несколько подобраны.

Моральные силы.

Энергия лошади происходит от ее темперамента; она проявляет ее в зависимости от степени доверия, которое питает к всаднику.

Мы уже видели, что сбалансированная лошадь находится вся в воле всадника, что нужно дать ей понять понемногу, какие движения требуются от нее.

Когда равновесие нарушено средствами управления, руками или ногами, лошадь быстро примет положение, предписываемое законами тяжести.

Когда она освоится с управлением и с указываемыми положениями, этим самым ей дадут большую свободу, и она будет работать свободнее и элегантнее.

Средства управления действуют на мускулы, оказывая только давление.

Мускулы же передают это давление посредственно или непосредственно тем членам, движениями которых они заведуют.

Всякое давление на мускулы вызывает его сокращение, но эти сокращения не естественны и утомительны и за ними следует немедленно общее и частичное бездействие, вызываемое сохранением равновесия.

Как только лошадь, враг всяких утомлений, подобно всем животным, поймет, что давление означает требование того или иного движения она тот час же делается послушна и сама сумеет сберечь свои силы.

Давление послужит для нее только уведомлением, то же что и удар колокола для привратника.

Для скорейшего достижения такой выездки нужно, чтобы ученик вполне доверял своему учителю, отдавался бы ему всецело; для этого же необходимо соблюдать постепенность и не переходить сразу к трудным вещам. Требовать немногого, но достигать его, никогда не уступать – вот ключ к выездке лошади.

Сбалансированная лошадь, не будучи стеснена в своих движениях, послушная руке всадника, выполнит самые сложные вещи, самые оригинальные.

Сопrotивления лошади.

Я уже говорил что, развивая различные части тела лошади, наездник водворяет равновесие между ними и, что только новая сила может разрушить эту гармонию

Этими новыми силами могут быть или дурное сложение лошади, или противодействие чрезмерным требованиям ее господина.

Но выездка скоро полагает конец вредным усилиям, восстанавливает равновесие и дает невозможным дальнейшие сопротивления.

Жеребенок не родится с норовом; он приобретает его впоследствии и его сопротивления тем серьезнее, чем он сильнее и чем меньше встречает отпора.

Боязливая лошадь обыкновенно близорука, она пугается предметов, которые плохо различает; если она не привыкла ввиду тех или иных вещей, то она пугается неожиданности. В обоих случаях внушите доверие лошади ласковым, но уверенным голосом.

Когда лошадь становится *на дыбы*, она переносит весь вес на задние ноги; удар хлыста по заду заставляет сократиться мускулы крупа и восстанавливает равновесие. Во время *козлов* все происходит в обратном порядке; сильное действие трензеля заставляет лошадь поднять голову и переносить часть веса на задние ноги.

Неподвижность. Видя, что оба вышеупомянутые сопротивления не помогают лошадь прибегает к пассивному сопротивлению. Это самое опасное.

Так или иначе, без битья, если возможно, следует заставить лошадь идти вперед. Иногда помогает толчок рукой в шею, чем нарушается равновесие.

Лошади с плохо развитой шеей сопротивляются поводьям и бросаются куда попало, отбрасывая в сторону всякий инстинкт. Нужно развить шею, чтобы сделать животное послушным руке всадника.

В случае очевидной злой воли у лошади следует прибегнуть к наказанию хлыстом, но при этом не надо увлекаться.

Потом, успокоивши лошадь, повторяют свое требование, но несколько умеряют его.

Лошадь поняв, что все ее сопротивления не приносят желаемого результата и только увеличивают расход ее сил, видя, что рано или поздно ей приходится повиноваться, вскоре перестанет сопротивляться.

Об ударах.

Удар должен быть энергичен настолько, чтобы его резко почувствовал наказуемый.

Всадник употребляет их в двух случаях: когда хочет наказать за проявление злой воли или если нужно напомнить о более полном послушании.

В первом случае, он пользуется карающими орудиями, кои находятся в его распоряжении: хлыстом, шпорами, соразмеря наказание со степенью

виновности. Следует избегать дергания поводьями (цукания), так как это вредит чувствительности рта. Во всяком случае, из борьбы нужно выйти победителем.

Во втором случае наказывается не злая воля, но вялость; всадник усиливает действие своих средств управления.

Всадник должен чутьем определять предел побуждения, чтобы не вызвать сопротивления или какого либо беспорядочного движения способного помешать исполнению требуемого. Очень важно, чтобы не давались лошади противоречивые указания.

Наиболее же важным, в начале выездки является — сделать лошадь доверчивой, так как *интеллект лошади это — все*.

Точно также не надо запугивать животное, когда оно проявляет злую волю, предумышленно сопротивляется.

Из этого следует, что наказание нельзя накладывать, когда имеют дело с инстинктивными сопротивлениями, что происходит вообще от недостатка постепенности в употреблении средств, часто стесняющих или пугающих животное.

Наконец, с точки зрения действительной практики следует признать, что та лошадь лучше выезжена под седло, которую первый попавшийся, если только он знаком со средствами управления и умнет пользоваться ими, мог бы заставить идти по желанию шагом, рысью, галопом с указанной ноги, определять, вызывать и уменьшать аллюры легко, менять направление без заметных усилий; вот что необходимо для езды в войсках.

Глава 8. **Боше и граф д'Ор.**

После революции прекратил свое существование знаменитый Версальский манеж, и оба учителя, граф д'Ор и Боше, оспаривали друг у друга первенство. Первый был представителем новейшей верховой езды на свободе. Его учение резюмируется выражением: "En avent, toujours en avent, et encore en avent".

Это учение, имевшее целью сделать всадника смелым и предприимчивым, вполне подходило к той эпохе.

Нужно отдать справедливость д'Ору, что он проводил свою систему с тактом, будучи сам в высшей степени практиком.

Другой, Боше, учитель из учителей научной езды, представлял манежную езду, езду высшей школы.

Его драгоценная метода, ясная и простая, может быть определена таким образом: имея лошадь выездную, сбалансированную и легкоуздуо сосредоточьте ее силы между ногами всадника—и будете играть ею по своему желанию.

Эта метода бесспорно оставит наиболее глубокий след в деле верховой езды.

Что касается до требуемого при этом искусства всадника, то она не имеет себе равных; с воем *tours de force*, почти неподражаемым, Боше обязан тому, что, будучи человеком низкого происхождения, он сделал вопросом превосходство графа д'Ора.

Соединить эти две знаменитости было бы чрезвычайно трудно; их разъединяло соперничество таланта и положения; служа различным идеям, они считали себя учителями, представителями своих школ, и оставались всегда далеки друг от друга, были врагами.

Они никогда не встречались, не были знакомы никогда не видали друг друга.

Это было большой ошибкой и ее следовало поправить; так думал М. Госсан, знаменитый наездник, и он устроил свидание этих двух великих учителей.

То, что произошло при этом свидании и окончательно разъединило обоих знаменитостей, достаточно любопытно, чтобы это рассказать.

Я заимствую эту сцену, возмущившую тогда всех, из заметок моего друга Госсана, оставившего их мне.

Свидание произошло в манеже на улице Дюфо, которым заведовал граф д'Ор. Если последний шталмейстер короля Карла X был бесподобным наездником, то он в то же время был очень плохим дельцом.

Однако это не мешало ему заниматься всеми делами манежа и, только благодаря этому, Госсану удалось их познакомиться, так как Боше если и желал увидеть бывшего шталмейстера Версаля, то во всяком случае не высказывал своего желания никому из последователей д'Ора. Госсану надлежало для

достижений намеченной цели действовать с большой осторожностью и ловкостью.

Случай, всюду играющий большую роль, помог ему более чем что-либо. Он встретил однажды д'Ор в Тортоне и по его приглашению подсел к нему. После обмена любезностей д'Ор знавший хорошо всех причастных к делу верховой езды и считавший Госсана за лучшего наездника Боше, завел разговор о последнем. Отзываясь о нем с большой похвалой, он заметил, что знает его весьма мало.

Госсан немедленно ему сказал: «Дорогой учитель, вы не знаете Боше. Он не достигает результатов, о которых вы, быть может, слышали, и имеет не больше терпения, нежели самый обыкновенный из мучеников. Но он владеет методом чрезвычайно искусной, новейшими приемами, очень могущественными, что ему и помогает достигать удивительных вещей. Очень жалко, что вы не имели случая видеть его, говорить с ним, иначе вы были бы о нем другого мнения».

Госсан предложил устроить это свидание. «Боше, прибавил он, в настоящее время ищет лошадь, хорошую и недорогую для цирка. Можете вы что-нибудь ему предложить?»

Граф д'Ор, любивший подобный операции, согласился на свидание, тем более, что имел подходящую лошадь.

Госсан ковал железо пока оно горячо.

Боше был очень гордый человек, обидчивый и сумрачный. Испытывая большие затруднения в распространении своих прекрасных идей, он считал себя нелюбимым.

Его утверждения, несколько резкие и горделивые, встретили много возражений.

Но многие становились в ряды оппозиции инстинктивно: никто не мог указать действительно слабых пунктов в его системе.

Как бы то ни было, положение, занятое графом д'Ор, его репутация — занимали Боше, который чувствовал что с таким соперником нужно считаться.

Естественно у него явились: желание видеть его близко, рассмотреть его и, может быть, тайная надежда заставить его признать свои доктрины.

Госсан не объявил ему прямо, что д'Ор ничего не имеет против свидания, но при случае сказал: «Он имеет продажную лошадь, которая могла бы вам подойти; если вы хотите ее видеть, то он будет очень рад случаю поговорить с вами».

Боше согласился и на другой день в назначенный час в сопровождении Госсана явился на улицу Дюфо.

Спустя две минуты растворилась тяжелая дверь манежа, и показался граф д'Ор. Боше сделал несколько шагов ему на встречу, и обе знаменитости обменялись любезностями, дружественно пожав друг другу руки. Потом д'Ор любезно заговорил о сдающейся лошади и приказал привести ее.

Через несколько времени хорошая темно гнедая кобыла была приведена в манеж, и д'Ор обратил внимание своего визитера на ее элегантное сложение. Показав ее на шагу и на рыси, он предложил Боше сесть на нее, заметив: „Кобыла еще ничего не знает: я не имел времени заниматься ею, но она очень умна". И он очень настаивал, чтобы Боше сел на нее. Последний отказался, отговариваясь костюмом и выражая желание видеть наоборот графа верхом на кобыле.

Д'Ор ссылаясь на то, что уже несколько дней не садился на лошадь, что он не может теперь ездить и т.д.

Но его собеседник был так настойчив, что граф велел оседлать кобылу и потребовал хлыст.

Когда ввели вновь лошадь совсем подседланную, то по характерному движению хвоста можно было сразу догадаться, что кобыла трудна в езде и щекотлива.

Граф Д'Ор, всегда корректный, снова предложил Боше сесть на кобылу и, получив опять отказ, с не покидавшей его любезностью решил сесть в седло.

Сделавши несколько кругов по манежу он проехал рысью, с почти болтающимися поводьями. Однако внимательный наблюдатель мог бы заметить, что легкая приподнятость поводьев и скрытое побуждение ногами поддерживали аллюр. Затем он проделал работу по двум следам не совсем чисто, потому что лошадь совершенно не была подготовлена к ней, поднял кобылу в галоп с правой ноги, и переменял ногу, сделав это довольно грубо.

По всему было видно, что лошадь лишь с трудом подчинялась всаднику.

Желая сделать чисто перемену ног, Д'Ор повторил это, но еще с большим трудом. Следовало бы на этом и остановиться, но блестящий наездник Версаля, чувствуя себя перед серьезным судьей, непременно желал кончить хорошей переменной ног на галопе.

И он попытался еще раз, приближаясь к дверям манежа на половину открытым. Кобыла приостановилась на некоторое время, как бы для того, чтобы собраться с силами и с быстротою молнии стала на дыбы, потом, достигнув дверей, которые вели на двор, она быстро скрылась в них.

Боше оставался, по-видимому, спокойным по окончании этой сцены.

Через несколько секунд манеж отворился и кобыла, делая прыжки, вернулась.

Д'Ор пробормотал: «Это в первый раз она проделывает такую штуку». Легкая улыбка показалась на губах Боше, бывшего до сих пор бесстрастным.

Граф Д'Ор на тугих поводьях и с сжатыми ногами проделал снова перемену ног в глубине манежа более или менее уверенно на быстром аллюре.

Власть наездника восторжествовала над сопротивлениями лошади, которая уже покрылась потом.

Но приблизившись снова к дверям, кобыла опять начала становиться на дыбы, не смотря на энергичные удары шпорами, прошла несколько метров на

задних ногах, а передними ей удалось отворить плохо закрытые двери и снова увлекла своего могущественного всадника на двор. Произошла борьба всадника с лошадьё, слышался стук подков о мостовую и сердитые возгласы д'Ора. Борьба была длинная, очень длинная, кобыла не желала подвигаться ни вперед, ни назад, она поднималась на месте на дыбы и ее прыжки делались все сильнее.

Д'ор не терял самообладания и казалось составлял одно целое с лошадьё. Наконец ему удалось заставить ее вернуться в манеж. Она вернулась, делая порывистые прыжки заложив назад уши, с налитыми кровью глазами, обливаясь потом, как будто только что вышла из реки.

Она казалась крайне раздражена, а ее ужасный наездник, не дав ей передохнуть, вновь стал проделывать перемену ног на том же месте.

На этот раз ему удалось так или иначе проделать требуемое и он, сделав вольт, очутился перед Боше, которому он сказать: «Уверяю вас, она в первый раз проделывает подобную штуку».

Боше холодно ответил: «Для первого раза это не дурно, видно что лошадь знает свое дело. Она очень трудна, а я ищу лошадь с хорошим характером, и она мне не подходит».

Д'ор соскочил легко на землю и, обменявшись любезностями и рукопожатием более церемонным, нежели в начале, эти две знаменитости расстались, чтобы никогда не встречаться,

Когда Боше, говорил впоследствии про директора манежа на улице Дюфо, он не

мог удержаться, чтобы не сказать сухим тоном: "Это злой человек, и притом насмешник, я его считал раньше иным».

Глава 9.
Движение.
Капитан Рааб.

Капитан Рааб был прежде всего учеником Боше; но, хотя его отправной точкой были доктрины знаменитого учителя, он все же отложился от него прежде, чем сделаться главой новой школы.

Наездники, в большинстве случаев лишь поверхностно знакомые с делом утверждают, что сочинения обоих учителей тождественны в главных чертах и даже комитет, разделяя это заблуждение, отвергнул учение Рааба под предлогом, что оно исходит из системы Боше, *уже осужденной*.

Над этим суждением можно было бы посмеяться, если бы не было досадно видеть такое легкомысленное отношение к серьезному предмету.

Сочинение Рааба значительно отличается от *уже осужденного* учения Боше.

Рааб сходится с Боше только в одном: он также требует, чтобы лошадь была сбалансирована и в руках на всех аллюрах замдленных и нормальных.

Следует прибавить, что это согласуется и со взглядами комитета, судя по его теоретическим требованиям. Я не осмелюсь сказать, что он проводит тоже и на практике.

Что касается до шпор, то и Боше и Рааб, оба признают в них средство, наиболее могущественное для господства над лошадей, но каждый понимает по-своему их употребление.

По Боше шенкеля, а, следовательно, и шпоры должны прикасаться боку лошади, почти всегда к одному и тому же месту; по Раабу же шпоры прикасаются к трем различным точкам:

- 1) тот час же позади подпруги, т.е. около диафрагмы,
- 2) далеко от подпруги,
- 3) между этими двумя крайними точками.

Приложенные тот час же позади подпруги шпоры побуждают лошадь собраться, взять повод, задерживают аллюр, останавливают, удерживают на месте, осаживают и при содействии рук дают полный сбор лошади.

Действуя на среднюю точку, шпоры сохраняют опору лошади на руку при всех нормальных аллюрах.

„Шпоры, говорит Рааб, дотрагиваются, нажимают и колют”.

При простом усилении действия шенкелей шпоры дотрагиваются до бока лошади. Прикасаясь к боку далеко от подпруги, шпоры побуждают лошадь вперед. Как средство побуждения или легкое наказание шпоры нажимают бок лошади. Будучи употреблены для сильного наказания или побуждения, шпоры колют.

Уже по изложенному можно судить о различии методов, дальше оно будет еще заметнее.

Рааб находить, что употреблять методу Боше может только всадник, обладающий большим тактом и чутьем, чтобы быть в состоянии оттенять свои требования и делать их понятными животному; тогда как его способ, простой и рациональный, позволяет всаднику предъявлять к лошади ясные и понятные требования.

Доказательством этого служит то, что Боше многими не был понят, и его ученики, за исключением особенно одаренных, не переняли чутья, которым учитель обладал в высшей степени.

Различие оказывается и в работе, предшествующей выезде лошади.

Боше удовлетворяется упражнениями на месте и без всадника в сгибании головы и шеи при помощи одних поводьев, Рааб работает лошадь на месте и на шагу, поводьями и хлыстом.

Употребление хлыста Рааб находил необходимым, замечая, что лошадь вполне послушная поводьям на месте, выходит из повиновения при движении вперед. И он пришел к заключению, что поводья лишь второстепенное средство, скорее дающее лошади указания, нежели вынуждающее к исполнению требуемого, и что не обходимо дополнительное средство, годное при случае и для наказания. И он выбрал хлыст заменяющий при этой работ шенкеля и шпоры всадника.

Практика показала, что только при совместном употреблении поводьев и хлыста можно добиться полного повиновения лошади.

Разница в сочинениях этих двух учителей особенно сказалась в том, что Рааб прежде всего ссылался на строго научные основания, тогда как Боше отводил много места чутью всадника и искусству.

Рааб в особенности занялся изучением аллюров.

Инстинктивно он пошел прямой дорогой.

Пятьдесят лет его жизни были посвящены этому изучению и его прекрасным работам о движении мы обязаны тем, что верховая езда, столетия основывавшаяся лишь на опыте, вполне подчинена науке.

Задолго до употребления графической методы и моментальной фотографии Рааб после терпеливых изысканий определил законы управляющие движением лошади на всех аллюрах.

Его теория шести периодов позволила ему объяснить механизм членов лошади при всех аллюрах, не сопровождаемых прыжками (галоп, карьер), начиная с иноходи и кончая рысью. Он шел от простого к сложному. Он определил сначала с точки зрения механики движения одной конечности при поднимании ее с земли и в воздухе, затем двух ног, - опирающейся на землю и другой,двигающейся и, наконец, связь между движениями всех четырех ног, когда делается шаг.

Его гениальная теория об относительной скорости и исследование следов на земле дали ему возможность определить комбинацию движения ног лошади на аллюрах, состоящих из прыжков.

Но знакомство с аллюрами не составляло для Раба конечной цели; он желал утилизировать его для правильного ведения лошади.

До Раба никто не занимался этим вопросом. Все наездники с Ля Гериньером во главе объявляли, что знать аллюры необходимо, но знали механизм лошади чрезвычайно неудовлетворительно.

Будучи гениальным наблюдателем, Рааб легко понял, что всадник получает сотрясения во время шага, производимые опорой на землю передних ног лошади. Отсюда один шаг до того, чтобы все свои требования обращать именно к переду лошади.

Каждый раз, когда нога опускается на землю, всадник получает толчок с правой или левой стороны.

Рааб заключил, что все движения налево должны быть производимы когда лошадь опирается на правую ногу.

То же правило и при работе по двум следам.

Рааб объяснил также, что поднимание в галоп с правой или левой ноги с шага или рыси нужно начинать, когда противоположная нога опирается на землю.

Народилась рациональная верховая езда.

Рааб был не только отличным ученым, но так же и артистом.

Если он не достигал славы своих предшественников, то это только потому, что он избегал рекламы и предпочитал покой аплодисментам толпы.

Отдадим же дань уважения этому скромному ученому, глубокому мыслителю, достойному занять одно из первых мест между знаменитыми специалистами.

Глава 10. **О всаднике, ездоке и наезднике.**

Эти все три названия означают человека, едущего верхом.

Но прежде чем указывать на различие между этими наименованиями, не бесполезно дать себе отчет в том, что понимается под выражением *система* и *метода*.

Система заключается в серии действий, более или менее согласованных со средствами, к которым привыкла лошадь; система не имеет определенных правил, она имеет индивидуальный характер, откуда следует, что, садясь на различных лошадей, приходится их предварительно изучать, так как каждый ездок различно пользуется средствами управления.

Метода наоборот определена, ее приемы прогрессивны, переходящие от простого к сложному. Она располагает приемами, заставляющими лошадь беспрекословно повиноваться; всякий человек изучавший их, применяет их одинаково. При таких условиях *a priori* каждая лошадь независимо от ее сложения, характера годна для любого наездника.

И простая лошадь, и чистокровная будут одинаково отвечать на управление всадника; разумеется, я не хочу сказать, что первая, в каком бы то ни было случае, может сравниться в ловкости, грации движений со второй, - такое утверждение было бы абсурдным.

Ясно преимущество метода перед системой.

Задачу создания метода решили шталмейстеры Версаля.

Фредерик Гризон, Плювинель, Пиньятелли, де ля Бру и др. оставили после себя лишь системы.

Боше создал также методу, такую же ясную, такую же блестящую, как и методы его предшественников.

Всадником (*le cavalier*) называется человек, любящий лошадей, который ездит на них с большим или меньшим тактом и энергией, но пользуется своими средствами, не отдавая себе в них отчета, который не мог бы сам выездить лошадь.

Ездок (*l'homme de cheval*) это тот, кто знаком с принципами метода более или менее рациональной, кто любит лошадь за свою выездку, кто знает чего он хочет достигнуть.

Ездок обладает смелостью, уверенностью, тактом и большой привычкой.

Он прекрасно сидит: голова прямо, руки и локти ни через чур прижаты, ни слишком отставлены от туловища, ноги опущены без натянутости, носок слегка опирается на стремя, колени устойчивы; он ведет свою лошадь уверенно, решительными и свободными аллюрами, не отступая ни перед каким препятствием.

Наездник обладает теми же качествами, как и ездок, но он более наблюдателен и более знаком с научной стороной вопроса; он и теоретик и

практик; чтобы быть наездником недостаточно превосходно ездить, нужно пройти всю школу и уметь научить других.

Он отдает себе отчет в причинах, порождающих то или другое явление, он ясно и определенно формулирует все свои впечатления, умеет быть понятным своим ученикам и внушить им любовь к искусству.

Только он умеет письменно или устно изложить секрет верховой езды и образовать ученика достойного того же звания.

Правительство делает большую ошибку, оставляя в забвении тех, которые одни только могли бы поддержать превосходство нашей кавалерии.

Не звания академиков, не официального признания их заслуг им не достает: они лишены возможности учить и распространять свои принципы.

Устройство школы увеличит число годных лошадей для нашей кавалерии, так как толковая выдержка лошади восполняет ее недостатки.

Как было бы желательно, чтобы люди, власть имеющие, содействовали бы распространению интереса к этому искусству.

Конские заводы, разве это такие учреждения, которые можно было бы оставлять на произвол случайного дурного управления?

Разве только доставление богатым людям удовольствия - есть их задача?

Кому не ясно, что улучшение быстро распространится в низшие классы, поощрить торговлю лошадьми, принесет пользу коннозаводчикам и окажет благотворное влияние и на земледелие – это богатство народов.

Глубоко убежденный в пользе верховой езды, я настаиваю на немедленном учреждении национального манежа, где бы преподавалась под руководством искусных наездников верховая езда, анатомия, выездка, высшая школа и уход.

Курс этой школы был бы следующий: 1) иппология, 2) влияние различных пастбищ, 3) влияние атмосферы, 4) прямая зависимость репродукции от почвы, 5) естественная история, 6) элементы ветеринарии, 7) зоология, 8) ботаника, 9) физиология.

Я того мнения, что великая и богатая нация, какой является Франция, должна помогать и покровительствовать тем, чьи труды способствуют славе и благополучию страны.

Каждый год ассигнуются известные суммы на поощрение драматического искусства, музыки, рисования и ... циклизма.

Приучать лошадь к военному режиму далеко недостаточно. Мы находим, наоборот, что та бездеятельность, на которую они обрекаются, вредит их развитию и портит их; таким образом, результат не стоит затрачиваемых на него жертв.

Предрассудок – избегать работать молодых лошадей – к несчастью, очень распространен.

Упражнение является спасительным во многих случаях: прежде всего оно дает аппетит, оно препятствует приливу крови к легким и к желудку, что служит причиной многих заболеваний в молодом возрасте, особенно в случае

обильной пищи.

Упражнение образует и развивает темперамент молодого животного, укрепляет мускулы и увеличивает их объем, расширяет грудь и делает подвижными сочленения.

Арабы, казаки и англичане все считают необходимым работать лошадь с молодых лет, пропорционально ее силам и сложению.

Система, служащая основанием воспитания чистокровных, заимствована от арабов и других восточных народов.

Большая часть наших полукровных происходят от лимфатических маток.

Матери часто не несут никакой работы, проводя лето на жирных пастбищах; зимой они содержатся в теплой конюшне, откуда никогда не выходят; иногда они остаются круглый год на свободе, в полудиком состоянии.

Им дают жеребца, не работающего также как и они, и таким образом выводится ленивая порода, красивая иногда по внешности.

Глава 11.

Как нужно покупать лошадь.

Покупка хорошей и красивой лошади дело очень трудное и требует опытного глаза и специальных познаний. Я не претендую на непогрешимость, но идеи, которые я нахожу по этому поводу, признаны многими авторитетами.

Прежде всего, покупая лошадь надо дать себе отчет – с какой целью она приобретается. Во всяком случае, желательно иметь советником в деле покупки человека знающего. Четыре глаза лучше рассмотрят, нежели два, часто, чтобы заметить недостатки, которые продавец, в особенности если это купец, так умеет скрывать.

Что до тех, кого приглашают в качестве советника, то они не всегда охотно соглашаются на это, справедливо ожидая, что всякий недостаток, обнаруженный впоследствии, будет поставлен им в вину, а в случае успешной покупки, покупатель припишет ее своим знаниям.

В интересах продавца показать продаваемое животное с наилучшей стороны; он, естественно, постарается скрыть его пороки и выказать в преувеличенном виде его достоинства.

В больших городах купцы, дорожа своим реноме, занимаются перепродажей довольно честно.

Я говорю *довольно*, потому что доказано, что для того, кто хочет отделаться от стесняющей его лошади, ничего священного нет. Сами купцы, несмотря на их опытность и знание уловок, нередко обманываются при покупке.

Несколько лет тому назад один купец в Париже, хорошо известный многим любителям, купил одну клячу, которую сам же продал несколько месяцев перед тем. Его ввела в заблуждение закрашенная лысина на лбу; он был наказан на большую сумму.

Можно сказать с уверенностью, что все купцы прибегают ко всем возможным средствам, чтобы выставить наилучше животное.

Лошадь всегда тщательно убрана, что придает элегантность и красоту.

Конюшни расположены таким образом, что дают возможность лошадям выходить из них, производя наиболее выгодное впечатление.

Конюхи, хорошо приученные, умеют своими движениями дать представление об энергии животного, хотя бы она и отсутствовала.

Но эти приемы не единственные, которые употребляются купцами для облегчения продажи. Многие не отступают буквально ни перед чем, не стесняются никаких ухищрений, и потребовались бы тома, что бы перечислить все их тонкости.

Лучше всего, чтобы не быть обманутым испытать лошадь в той работе, для которой она покупается; это особенно важно для неопытного покупателя.

Верховая лошадь должна пройти под всадником перед покупателем, лучше если под ним самим.

Необходимо помнить, что одна лошадь не может удовлетворить всем требованиям, нельзя искать непременно идеальную лошадь: то не нравится масть, то приметы, всегда же и везде ищут лошадь свободную от малейших недостатков, от ничтожнейших пятен.

Знайте же, господа покупатели, что лошади без недостатков, так же как и человек без греха: *он никуда не годится!* Арабы, знающие лошадь гораздо лучше нас, так как изучают ее не по книгам, а в природе, требуют, чтобы лошадь имела: четыре части широкие - лоб, грудь, круп и конечности; четыре части длинные - шея, верхние линии, брюхо и ляжки; четыре части короткие - почки, бабки, уши и хвост. «Присутствие этих качеств в лошади, говорят арабы, доказывает, во-первых, что она кровная, а также, что она хороший скакун: так как ее сложение напоминает одновременно зайца, голубя и верблюда».

Большинство любителей не проходили курса анатомии и учения об экстерьере, и выбор верховой лошади для них тем более затруднителен. С целью пополнить этот пробел я и излагаю свои идеи по этому вопросу. Как смотреть покупаемую лошадь?

- 1) В профиль, чтобы судить об общем виде.
- 2) Спереди, чтобы видеть ее выражение и определить, на одной ли линии расположены ноги.
- 3) Сзади, чтобы увидеть, закрывают ли задние ноги передние.
- 4) Судить по движениям о ее аллюрах, воспитании и характере.

Но такой обзор недостаточен для серьезного покупателя: нужно изучить экстерьер, т. е. пропорциональность частей туловища, недостатки, которые могли бы уменьшить стоимость лошади.

Нужно выбирать лошадь добрую, здоровую, с правильными аллюрами, с сильной почкой, покатою грудью; что касается ног, то они должны быть прочны и внизу вертикальны.

Говоря о верховой лошади, я подразумеваю для прогулок, потому что к охотничьим и кавалерийским лошадям предъявляются иные требования.

Прежде всего, верховая лошадь будет седлаться, а для этого должна иметь покатые плечи, поданные вперед в точке соединения с ногами и глубокие позади холки; спина и почки широкие и короткие, по возможности горизонтальны. Лошадь с длинной почкой может носить лишь легкий вес, и от нее нельзя требовать быстрых аллюров.

Локоть и колено на одной горизонтальной линии, ляжки длинные, мускулы зада толстые. Очень важно также осмотреть голову. Выражение лошади всегда указывает на характер, энергию и породистость.

Сухая голова указывает на хорошие происхождение, худая – на старость или дурное питание, толстая мясистая голова не годится для верховой лошади.

Уши должны быть хорошо поставлены; направленные назад они обнаруживают злую лошадь, желающую ударить или укусить; у боязливой лошади они направлены вперед; уши подвижны и направляются в сторону шума

без выражения испуга. Глаза должны быть открытые, чистые и спокойные. Есть лошади близорукие, они по большей части пугливы и опасны в работе.

Шея должна быть длинная, крепкая, мускулистая, но не мясистая.

Волосы должны быть тонкие и не густые.

Холка приподнята и продолжена по спине, понемногу спускаясь.

Чистокровные имеют в особенности хорошие холки.

Бока короткие, не сжаты, хорошо округлены, с не резко отделяющимися краями; чем менее заметна граница между боками и ляжками, тем лучше.

Хвост лошади, имеющей сильные почки, никогда не опустится и не подожметя, когда всадник тяжел. Когда хвост лошади в постоянном движении, нужно остерегаться ее характера.

Ноги должны быть хорошо сложены; копыто округленное и плотное, без кругов или трещин. Подошва вогнутая, ровная, хорошо соединенная со стенками. С плохими ногами самая лучшая лошадь ничего не стоит. Копыта у хорошей лошади никогда не будут малы и плоски.

Скакательный сустав широкий, пяточная кость длинная и кожа плотно покрывает сочленение.

Путовой сустав сухой, и не имеет ни спереди, ни с боков никаких припухлостей, вроде наливов.

Бабка должна образовывать с горизонтом угол в 45 градусов; у скаковых лошадей длина бабки не должна быть больше диаметра скакательного сустава, измеряя его спереди назад.

После добросовестного осмотра остается еще трудная задача оценить лошадь, прощая ей недостатки за ее достоинства.

Существует мода обрезать коротко хвосты у лошадей, мода идиотская и смешная для тех, кто отделяет хорошо хвост, а верховые лошади непременно должны иметь отдел хвоста. Мы считаем бесполезным распространяться о пороках лошади, ограничимся лишь перечислением их.

Наливы в скакательном суставе, *типгаки*, *шпат* и *ринбаум* (Кольцевой костяной нарост на венечной кости) достаточно известны всем.

Недостатки строения ног видны сразу.

Бывают впалые колени, так называемые *бараньи ноги*, скакательные суставы бывают сближены – *коровий постав*, ноги могут быть косолапы или вывернуты.

Когда бабки через чур длинны или наклонны, то колено подано вперед и согнуто, такой постав передних ног называется *козинцем*, задние же ноги при таком недостатке бабок бывают слишком отставлены назад (*сампе*).

Когда же бабки нормальны, а колена согнуты (*арке*), то это происходит от повреждения сухожилий и такая лошадь годна лишь для возовой работы шагом.

Глава 12. **Движения лошади.**

Движения лошади разделяются на естественные, ненормальные и искусственные.

Первые – это шаг, рысь и галоп. Вторые – иноходь, хода.

Последние могут быть результатом обучения, но обыкновенно являются при рожденными и нередко последствием слабости лошади.

Так называемые искусственные движения, который приобретаются в манеже, разделяются на низкий ход и приподнятый.

Поскольку сложение, пропорциональность имеют значение для изучения лошади, постольку же рассмотрения ее движений, умение их оценить представляют интерес и должны быть трактуемы здесь.

Шаг лошади является наиболее простым, наиболее медленным из естественных, аллюров, требующим наименьшей затраты работы мускулов.

Шаг состоит из последовательного передвижения всех четырех конечностей, каждой одновременно; таким образом получается четыре темпа и чем правильнее лошадь движется, тем равномернее темп.

Лошадь начинает движение с передней ноги, безразлично какой, если ее ноги здоровы; если же она ощущает страдание в одной из них, то непременно начинает движение именно с нее.

Если животное делает шаг с правой передней ноги, то порядок движений следующий: 1) правая передняя, 2) левая задняя, 3) левая передняя, 4) правая задняя и т.д.

В тот момент, когда она стоит на одной из правых ног она непременно поднимает левую и наоборот.

Хорошо сложенная лошадь всегда ступает заднею ногой во след передней.

Шаг свободен, когда он непринужден, уверен и легок; он правилен, когда удары копыт о землю слышатся отчетливо и через равные промежутки времени, в противном случае лошадь хромает или вздергивает ногу кверху.

Рысь это среднее между шагом и галопом. На свободе лошадь редко двигается рысью, разве только при переходе с шага в галоп и обратно.

Но наши потребности и привычки заставляют нас прибегать к этому аллюру и культивировать его.

На рыси лошадь ступает ногами в том же порядке, как и на шаг; разница заключается в быстроте движения, в большей величине шага, и в более интенсивной работе конечностей.

На рыси лошадь попеременно стоит на двух конечностях, расположенных по диагонали, и удары копыт о землю слышатся в два темпа.

Есть момент, когда лошадь, идущая рысью, находится вся в воздухе, не прикасаясь к земле ни одной ногой; это бывает тогда, когда она выносит вперед

диагональную пару ног, прежде чем ступить другой на землю, такая рысь замечается у энергичных лошадей.

На рыси центр тяжести животного испытывает небольшие перемещения. При движении каждой диагональной пары он подается вверх и вперед и резко опускается; эти перемещения на рыси, конечно, гораздо более заметны нежели при движении шагом, поэтому рысь, аллюр наиболее утомительный для всадника и требует возможной свободы движения лошади; при всяком страдании лошади эти сотрясения особенно чувствительны.

По движению рысью можно вернее всего судить об энергии лошади, о ее силе, правильности сложения; именно на этом аллюре лучше всего смотреть лошадь.

У хорошей лошади стук копыт в два темпа слышен отчетливо; менее отчетлив он на вялой рыси и у манежной лошади, привыкшей к медленному, в такт музыки, аллюру.

Сильная и свободная в движениях лошадь на рыси должна иметь круп, почки, шею и голову почти неподвижными. Передние ноги должны выноситься свободно и захватывать большое пространство, ни слишком вздергиваясь кверху, ни через чур мало приподнимаясь от земли.

Хорошая рысь это такая рысь, при которой передняя нога свободно и смело выносится вперед, слегка согнутая в колене, и на один момент кажется, что она неподвижна в воздухе, как бы «парит», прежде чем опустится на землю.

Если сгиб в колене сильно заметен, то это нежелательно; лошадь делает слишком короткий шаг; такая лошадь годна лишь ля парадов.

Чтобы судить о лошади, от которой требуется хорошая рысь, важно ее смотреть, также как и на шаг: спереди, сбоку и сзади.

На рыси в особенности можно судить о гармоничности и правильности сложения животного, которое собираетесь покупать.

Галоп это наиболее живой и быстрый естественный аллюр.

На галопе ноги выносятся вперед также парами, расположенными по диагонали, но вместо того, чтобы быть поочередно одна впереди другой, как это замечается на шаг и на рыси, одна из боковых пар ног всегда ступает впереди.

Галоп представляет из себя ряд последовательных прыжков, причем передняя часть лошади поднимается раньше и выше, нежели задняя.

На быстром галопе есть еле уловимый взглядом момент, когда лошадь вся находится в воздухе.

На галопе лошадь выказывает свои формы с наилучшей стороны, но не следует увлекаться этим аллюром, потому что он ослабляет упругость сочленений.

Никогда не следует покупать лошадь, предназначенную для военных или охотничьих целей, предварительно не убедившись в правильности ее галопа, а именно, что она хорошо начинает его и что ее движения мерны. Лошади со слабым задом галопируют высоко, т.е. круп поднимают выше переда.

Различают галоп с правой и с левой ноги.

При галопе с правой ноги, правая передняя нога всегда впереди лавой, а правая задняя следует движению передней. При галопе с левой ноги происходит наоборот.

Более подробное рассмотрение галопа дополнит объяснение.

Когда лошадь галопирует с правой ноги, то после того, как зад подобрался, чтобы сообщить корпусу толчок вперед, левая задняя нога ступает первую на землю, правая задняя нога делает следующее движение и ступает впереди левой; в этот самый момент и левая передняя нога становится на землю; таким образом расположенные по диагонали левая передняя и правая задняя движутся, также как и на рыси, согласно и одновременно становятся на землю; наконец правая передняя нога, находившаяся на одной линии с левой задней, делает третий и последний темп.

С правой ноги – происходит наоборот, первый темп – правая задняя нога, второй – одновременно левая задняя и правая передняя и третий – левая передняя нога.

Движение происходит. Как говорил Буржея, таким образом, что ноги последовательно предохраняют корпус от падения, приподнимают его, толкают его вперед и снова подпирают.

Чем дольше лошадь галопирует, тем ровнее ступают ноги, становясь почти на одной линии, и тем равномернее распределяется вес массы на конечности.

Чем сильнее работает зад у лошади, тем сильнее давление испытывают передние ноги и необходима поддержка.

По числу слышимых ударов копыт этот галоп называется «в три темпа»; он наиболее естественен.

Верховая лошадь должна галопировать свободно без предварительной выучки.

Пробовать лошадь галопом нужно с обеих ног, чтобы удостовериться в одинаковом развитии обоих скакательных суставов.

Всадник должен сам чувствовать, свободно ли действует зад и уверенно ли ступают передние ноги.

Хорошая верховая лошадь не должна иметь через чур прямых скакательных суставов, ни через чур коротких или длинных бабок; предназначенная под дамское седло в особенности должна быть эластична и галопировать плавно.

В том, что писалось по поводу галопа, мы находим столько путаницы, столько противоречий, что, не принимая на себя скучного и бесполезного подробного рассмотрения, мы ограничимся лишь изложением принципов и правил двух различных школ: имеющей главой графа д'Ор и основанной Боше.

Граф д'Ор выражается таким образом: «Если хотят начать галоп с правой ноги, помня, что при этом правое плечо должно быть несколько впереди, несколько приподнято более левого, нужно рукой передать вес массы больше на зад и приблизить шенкеля, чтобы быть готовым побудить лошадь к движению.

Когда лошадь соберется, будет готова начать галоп, то действуют поводом, чтобы замедлить движение левого плеча, а также приближают левый шенкель более нежели правый для того, чтобы зад не относился влево, а следовал бы движению плеч.

Отдавая себе отчет в движениях зада, нужно уловить момент, когда лошадь становится на левую переднюю и заднюю правую ноги и в это время удвоить воздействие повода и шенкеля, чтобы левая задняя нога, опускаясь на землю, сообщила бы толчок корпусу вперед и при этом правое плечо было бы впереди; лошадь начнет галоп с правой ноги.

Такой способ воздействия, мне кажется, наилучшим, так как он является наиболее прямым и почти всегда лошадь начнет галопировать именно с правой ноги, если действовать на ее левую сторону.

Но может случиться, что лошадь не пойдет с желаемой ноги; в силу привычки, или какого либо страдания она предпочитает галопировать с одной какой-нибудь ноги.

Предположим, она всегда галопирует с левой ноги, а мы желаем заставить ее идти с правой. Несмотря на то, что она получает соответственные указания от всадника, ее плечи и зад привыкли двигаться в известном положении и будит принимать воздействие левых повода и шенкеля как побуждение к привычному движению.

В другом случае лошадь, чтобы ей было удобнее галопировать, независимо от указаний всадника, относит зад влево и оказывает противодействие действию повода. Сопrotивляясь таким образом всаднику, лошадь галопирует по своему усмотрению.

Нужно урегулировать движения лошади, вести ее легко, стараясь непременно придать ей положение, удобное для желаемого галопа.

Лошадь подвигается вперед обыкновенно короткими прыжками, путает ноги, стараясь начать движение с привычной ноги.

Но тут не следует поступать так, как я рекомендовал раньше; наоборот, нужно опустить поводья и шенкелями подать лошадь на плечи. Когда она приобретет опору на удила, что указывает на устойчивость в ее движениях, ее переводят на рысь; ее заставляют двигаться рысью по кругу в сторону галопа.

Вы желаете галопировать с правой ноги? В таком случае заставьте лошадь идти рысью по кругу направо; при этом правое плечо, двигаясь по меньшему кругу, непременно должно быть впереди левого. Пустивши лошадь большой рысью, вы скорее достигнете неровности в движении плеч, чему может помочь и рука всадника, и в конце концов получите желаемое положение.

При такой работе шенкеля всадника должны сильно действовать, чтобы сохранять правильное положение крупа и препятствовать его отклонению: если зад выйдет из линии плеч влево, то левая ляжка будет впереди, - и гармоничность движения нарушена.

Всадник сам должен чувствовать насколько правильно идет лошадь, чтобы во время побудить ее к галопу.

Такой способ обучения галопу, пригодный в рассматриваемом случае, следует также применять и к молодым лошадям с мало развитым задом.

Как общее правило можно принять, что лошадь начнет галоп в зависимости от того, какая сторона ее впереди».

Д'Ор излагает правила управления на галопе в другом месте. По поводу *перемены ног в воздухе на галопе* он говорит: «Перемену ног в воздухе легко сделать, когда умеют идти галопом в два темпа, это почти тоже, но только прodelывается скорее.

Чтобы заставить лошадь, идущую с правой ноги, галопировать с левой, нужно поступать также как и при начале галопа, только поводья и шенкеля действуют раздельно.

Галопируя с правой, в момент, когда желают начать с левой ноги, натягивают правый повод, чтобы задержать движение правого плеча и в это время дают сильно шенкеля, правым сильнее чем левым, относя тем зад влево. От действия повода лошадь приостановится и, если шенкель не действует, соберется; получивши же шенкель, лошадь несомненно, начнет галоп с левой ноги, так как левое плечо меньше стеснено, а левая ляжка двигается вперед, побуждаемая к тому правым шенкелем.

Раз перемена ног достигнута, нужно дать лошади некоторую свободу, чтобы она хорошо оперлась на руку; в противном случае лошадь будет часто менять ноги, будет неуверенна и может разладиться или сама переменить ногу. Я настаиваю на этом потому, что многие, прodelывающие это упражнение, торопятся усиливать ход и тем нарушают гармонию движения».

Посмотрим теперь, какие приемы рекомендует Боше для употребления средств управления на галоп.

«Или лошадь, говорит он, находится целиком в вашей власти, или вам приходится с ней бороться. Если она галопирует, и вы не можете безусловно точно изменять и направлять ее движения, это доказывает, что она, хотя до некоторой степени и подчинена вам, но также располагает известной частью собственных сил.

В этом случае между вами и ей происходит борьба с переменным успехом и поражением, шансы на которые зависят от темперамента и каприза лошади, от того как у нее варит желудок. Перемена ног может быть совершена только после больших заминок, крайне трудно и не красиво.

Если же лошадь настолько выезжено, что не шевельнет ни одним членом без указания и помощи всадника, то последний по своей воле распоряжается ею, передает вес массы на ту или другую часть и, следовательно, перемену ног может производить легко и быстро. Здесь, как и везде, только эластичность и гибкость животного могут обеспечить работу.

Если в то время, когда желают начать галоп с правой ноги, существует какое-нибудь легкое сокращение, благоприятствующее галопу именно с левой ноги и если, несмотря на это, все же будут добиваться галопа с правой ноги, то придется употребить два усилия – левым поводом и левым шенкелем: первое для получения требуемого аллюра, второе для противодействия сопротивлению.

Но когда лошадь вполне эластична и собрана, всадник, желая галопировать с правой ноги, должен поддерживать равновесие лошади, придавая ей положение, требуемое движением. Он будет действовать левым поводом и побуждать правым шенкелем. Приемы, приведенные выше, в данном случае были бы вредны. Могли бы разрушить гармонию лошади.

Таким образом, понятно, что нужно глубоко изучить предмет, прежде чем формулировать принцип. От положения лошади зависит правильность ее движений.

Частое галопирование по прямому направлению и после остановок галоп с правой и с левой ноги скоро научат лошадь менять ногу свободно. Следует, прежде всего, избегать резких воздействий, сбивающих лошадь и делающих ее тяжелой».

Боше говорит о неправильном галопе и далее объясняет принципы перемены ног.

«Если лошадь в положении для галопа с правой идет все таки с левой ноги, это галоп неправильный; нужно левым поводом и левым шенкелем урегулировать движение; если всадник этого не добьется, то нужно остановить лошадь и начать правильный галоп.

Перед лошади не гармонирует с общим движением, если при галопе с правой ноги, левая передняя нога начинает движение; зад идет неправильно, когда правая задняя нога остается позади левой.

В первом случае, когда зад идет правильно, более сильное воздействие обоих шенкелей поможет приподнять перед поводьями и, повернув его более налево, принять прежнее равновесие и тем урегулировать движение, остановки здесь не происходит.

При правильном ходе зада следует энергично подействовать левым шенкелем и сильно поддерживать левым поводом; это заставит левую заднюю ногу сильнее сокращаться; кроме того правый шенкель будет умерять действие левого, сохранить равновесие, и галоп будет правилен.

Я повторяю, что очень важно сохранять твердый повод без этого шенкеля только вышлют лошадь вперед и не окажут желаемого действия на зад. Когда лошадь приобретет правильный галоп с левой ноги, можно перейти к перемене ног сначала после остановки, потом и без задержки. Начинать нужно на диагонали манежа, на четырех шагах от угла сделавши поворот на новое направление. Очень важно чтобы после поворота плечи лошади и зад были совершенно прямо поставлены. Другое, менее важное, условие – нужно вести

лошадь все время одинаково энергично, чтобы не пришлось в самый интересный момент ее задерживать или посылать.

Я всегда рекомендовал для начала быть наименее требовательным.

И так, чтобы переменить ногу (с правой на левую, например) нужно остановить лошадь до шага и на трех или четырех шагах как можно больше ее собрать; легкое напряжение правого повода и решительный толчок левым шенкелем заставляют ее подняться в галоп; если она не поднимается, это значит, что ей это неудобно, нужно побороть сопротивление, восстановить равновесие и снова прибегнуть к тем же средствам.

Частое повторение передние перемены ног приучит лошадь проделывать это легко и свободно.

Наконец, переходят к перемене ног без остановки (*tact au tact*).

Дойдя до места, на котором желают переменить ногу, собирают лошадь как только можно и правым шенкелем заставляют сократиться с этой стороны зад, правый повод в то же время стесняет движение правого плеча, и в этом положении лошадь начинает галопировать с противоположной ноги.

Разница в приемах при перемене ног на галопе или после остановки понятна: в первом случае нам приходится бороться с сопротивлениями, в последнем – только давать указания.

Прежде чем закончить, я должен предостеречь читателей от часто употребляемого, к несчастью, приема – переменять ногу в углу на повороте в углу манежа.

Правда, есть некоторые шансы, что лошадь сменить ногу, но в то же время тысяча шансов, что она упадет: нужно иметь большую силу, чтобы выдержать эти два сильных и противоположных движения, что непременно вредит ногам. Будем держаться принципа, с которым нужно сродниться: сначала нужно придать лошади соответственное положение, а потом ей указывать; этим мы предупредим все случайности».

Глава 13. Коневодство во Франции.

Если важность какого-либо вопроса изменяется числом людей. Занятых им, то разведение и улучшение лошади должно быть поставлено во главе политической и сельской экономики.

Традиции как варварских, так и более просвещенных народов, литература и древняя, и новейшая нам доказывают, что во все времена человек высоко ценил это *наиболее благородное приобретение*, по выражению Бюффона; лошадь играет действительно громадную роль в богатстве страны, так как необходима для эксплуатации земли; кроме того, она служит для военных целей и более, нежели это кажется с первого взгляда, способствовала цивилизации, облегчая сношения людей разных провинций и отдельных индивидуумов одной местности.

Потому ничего нет удивительного, что придавали всегда такую важность улучшению столь полезного животного.

Но сколько различных мнений, противоречий в средствах достижения этой цели!

Палата, пресса, администрация департаментов, министерства военное и земледелия, одним словом, все дают свои советы, спорят в защиту своих мнений и все без удовлетворительного результата.

Это не удивительно потому, что продуктировать лошадь – вещь очень трудная. Для этого нужны изучение и специальные познания, чего не требует разведение других домашних животных. Из этих последних только одна лошадь служит и предметом роскоши и живым двигателем.

Разнообразные и противоречивые мнения, развиваемые перед палатой и в прессе – главная причина неведения законов улучшения лошади. Каким образом, действительно, те, кто не имеют устойчивых убеждений по поводу данного предмета, могут сделать выбор средств, предлагаемых для успеха дела?

Если англичане отличились в деле совершенствования лошади, если мы имеем перед глазами их пример достижения успеха разве не можем мы им подражать? Разве менее интеллигентны, менее одарены естественными богатствами, нежели наши соседи за Ламаншем? Нет! Единственная разница та, что мы не обладаем их знаниями.

Сельские хозяева утверждают, что англичане обязаны достигнутым ими результатам их земледельческой культуре. Это мнение справедливо по отношению к домашним животным, от которых требуется мясо, сало и шерсть, но не относительно лошади.

Лошадь в данном случае составляет исключение, в этом нельзя сомневаться; доказательством служит то, что арабы имеют лучшую лошадь в свете, с точки зрения их требований, а вместе с тем они не далеко ушли в деле агрокультуры.

Мы не спорим, развитие земледелия есть могущественный помощник, даже необходимый при состоянии нашей культуры.

С другой стороны, хотя большее количество пищевых продуктов дает возможность лучше кормить животных, что очень важно для их улучшения, но было бы заблуждением думать, что одного изобилия корма достаточно для улучшения лошади.

Разве мы не видим коннозаводчиков прекрасно эксплуатирующих свои земли и отлично кормящих своих лошадей и не умеющих вывести хорошую лошадь, в то время как сосед, значительно уступающий им в деле агрокультуры, продает прекрасных жеребят, с честью поддерживающих славу отцов.

Нас тщетно уверяют, что при надлежащем количестве фуража и денег мы достигнем цели.

Чтобы произвести лошадь, отвечающую ее назначению, необходим капитал другого рода – капитал знания. Без него мы никогда не удовлетворим, как следует, настоящей потребности Франции в лошадях.

Разве факты не доказывали это и не доказывают каждый день?

Посоветуйтесь с людьми, которые выводили породу, которые созидали ее, как скульптор созидает статую, рассмотрите их работы, и вы увидите, что они в науке и в изучении законов природы приобретали свои знания и суждения по вопросу улучшения домашних животных.

Нередко лошади прекрасного сложения бывают ленивы, вялы, без сердца и никуда не годятся, хотя едят много; в то же время другие, уступающие первым по сложению прекрасно исполняют всякую работу, не смотря на плохой корм и уход. Где же основная причина такой разницы?

Как мы объясним, что эта лошадь, хорошо сложенная, прекрасно кормленная, молодая, на вид полная жизни – в действительности ничего не стоит, тогда как другая кажущаяся дурно сложенной, старая и худая, питающаяся охапкой сена или горстью зерна удовлетворяет всем нашим требованиям с удивительной энергией?

Такой пример можно встретить во всем животном царстве, но он особенно разителен на лошадях, единственных животных, употребляемых исключительно в качестве двигателей.

В самом деле, мы видим и людей, питающихся небольшим количеством черного хлеба и сопротивляющихся невзгодам жизни лучше иных, постоянно имеющих прекрасный стол.

Это очень важный вопрос, и мы к нему еще вернемся.

По вопросу улучшения лошади происходят бесконечные споры, имеющие результатом не соглашение, но еще большее разъединение спорящих.

Тогда как, если бы стороны приобрели недостающие им познания в анатомии, механике животного, физиологии, естественной истории вообще, то скоро пришли бы к соглашению по главным вопросам, так как наука основана на неоспоримых данных.

Что правительство сознает необходимость и важность развития коневодства страны и что это сознание особенно укрепилось после понесенных расходов на приобретение лошадей в военное время, мы убеждаемся, читая королевские регламенты, относящиеся к 1717 году.

На неудовлетворительное состояние коневодства во Франции указывает Гузар в своем сочинении «Инструкция к улучшению лошадей во Франции», относящемуся к началу этого столетия; то же видно и из официального рапорта назначенной для рассмотрения этого вопроса комиссии в 1859 году.

Между отъемышем и лошадыю 4-5 лет существует разница, целый период, от которого зависит будущее лошади, период воспитания, когда все органы и скелет развиваются.

Много заботятся о репродукции жеребят, и не один век большие суммы и письменные труды посвящаются этому делу.

Породу стараются улучшить выбором жеребцов. В это же время владельцы ничего не делают для воспитания жеребят.

Очень часто они предоставляют сами себе; ограничиваются тем, что дают им более или менее достаточную пищу; самые различные по складу лошади подчиняются одному режиму, одинаковым упражнениям.

Развивают у них безразлично кости, мускулы, сало, брюхо или грудь.

Отсюда такое количество порочных лошадей, бесформенных, непропорциональных, вялых; отсюда разочарования заводчиков.

Какая причина такого неуспеха? Откуда зло, и какие против него средства?

Чтобы деятельность заводов была плодотворна, необходимо одновременное вмешательство двух элементов, без чего нельзя достигнуть успеха, а именно: элемента административного, дающего возможность действовать, и элемента научного, указывающего средства рационального ведения дела.

Первый элемент функционировал всегда, но без серьезного содействия второго.

И теперь производство лошади для войска находится в печальном положении. Мы поступаем не лучше, нежели во времена Кольбера, Бюффона и Буржеля. Какие же последствия этого? Они были жестоки в минувшую войну.

Что же следует предпринять?

«Следует, говорит Боше в своем рапорте от 29 мая 1874 года, чтобы коневодство во Франции было основательно улучшено, мало по малу, во всех отношениях, чтобы все потребности были удовлетворены и чтобы в момент, когда военное министерство потребует от страны нужные ему 176000 лошадей, оно нашло бы их; теперь же такого количества лошадей не существует, вы это знаете, вы имеете тому доказательства. Увы! Есть таковое и очень убедительное: пример войны».

После больших жертв было найдено в несколько месяцев 120000 лошадей. Сколько из них куплено во Франции? 80000. Сколько из них годны были для кавалерии? Едва 20000.

И это путем больших затрат и даже реквизиций.

Отметим следующее: Боше, подававший отчет, крайне добросовестный, Национальному Собранию по поводу заводов и ремонта, указывает, что Франция имеет 3025200 лошадей, из этого количества 300000 в возрасте от 4 до 14 лет, каковые требуются для армии. И к открытию компании против Австрии в 1859 г. для ремонта нашлось только 12000 вместо требуемых 56000, а в войну 1870-1871 годов поставлено было только 20000 против германской армии, наступавшей на нас с 300000 лошадей.

Возразят, быть может, что закон, допускающий реквизиции в военное время даст возможность ремонтировать армию; да, для повозок, для артиллерии, для транспортов, для лазаретов, но не для кавалерии. Кавалерийский полк не может быть сформирован в один день.

Нет ни одного кавалериста, который настаивал бы на обратном. Я сам прошел через эту школу и убежден в том, что говорю.

Зачем же такой пробел существует в нашей благородной и прекрасной Франции? Тогда как существует ли в Европе другая страна, обладающая такими средствами для продуцирования лошади и в качественном и в количественном отношении как Франция, соединенная с Алжиром?

Никакая страна не может производить лучших лошадей как Франция.

Если же Франция отстала в этом отношении от других государств, то это потому, что наши лошади происходят от производителей или дурных, или дурно содержимых, так что никогда не следует забывать истину, высказанную генералом Л'Готт и Сомюром: *Кровь заменяет почти все, ее же заменить не может ничто!*

В настоящее время наше коннозаводство удовлетворяет потребностям страны, некоторые из наших пород хороши, и многие местности прекрасно приспособлены для коннозаводства.

Нам не хватает ремонтной лошади, мы с трудом можем снабжать нашу кавалерию местными лошадьми, что не замечается в других странах, догадавшихся ранее нас улучшить эту породу приобретением за высокую цену маток и жеребцов.

Кроме управления коннозаводством, - государственного учреждения, мы встречаем во Франции частные общества, которые также претендуют направлять деятельность коннозаводства.

Между таковыми первое место занимает Societe hippique francaise. Каждый год оно организует в различных местах конкурсы, наиболее важные из которых бывают в Париже.

Цель этих конкурсов должна быть такая же, как и других конкурсов – содействовать улучшению породы.

Обыкновенно, на конкурсах отделяются кобылы от жеребцов; жюри выбирает лучшие экземпляры и назначает их владельцам, в виде поощрения и вознаграждения за расходы, премии состоящие из более или менее

значительной суммы денег или ценной вещи; иногда премии сопровождаются медалями золотыми, из вермеля (вермель – vermeil – золоченое серебро), серебряными или бронзовыми.

Идея этих конкурсов во всех отношениях прекрасная, но до сих пор они не оправдали всех благ, которых от них ждали, потому что их организация была, не скажу совсем дурная, но неудовлетворительная зачастую.

Отсутствие единства в целях, преследуемых конкурсами устраиваемыми государством и различные цели, разных частных обществ долго еще будут вредить производству ремонтной лошади.

Есть общества, поощряющие только чистокровную лошадь, другие интересуются упряжными, наконец, есть и занимающиеся специально полукровными, но они не стремятся к главной цели.

Их задачу мы уже определяли: она заключается в изыскании способов и средств дать стране достаточное количество лошадей, годных для военных целей, в которых ощущается недостаток. Если мы снова это повторяем, то это потому, что своими поступками общество совершенно далеко от этой цели.

Оно занимается поощрением коннозаводства и весьма мало заботится о кавалерийской лошади. Ремонты ничего не выигрывают от этих конкурсов: высокая цена выставляемых животных есть первая тому причина.

Приготовление к конкурсу и издержки, которые падают на экспонента, непременно повышают цену самой лошади.

При таких условиях закупка ремонта невозможна, тем более, что приготовления к конкурсу, обыкновенно поспешные, не увеличивают истинной ценности животного.

Лошади выставляются в наилучшем виде, и ничего нет удивительного, что настоящие знатоки не находят в них желаемых качеств.

Действительно, следует заметить, что хорошо сделанный туалет лошади, сбалансированные аллюры и кажущаяся энергия, которая появляется часто от кусочка имбиря, все это сильно вводит в заблуждение и до такой степени, что многие эксперты нередко поддаются этому влиянию, не говоря уже о покупателях.

Такое положение дел очень печально потому, что это общество, насчитывающее среди своих членов не мало знающих и опытных людей, имеет все данные для содействия развитию промышленности, столь нуждающейся в поддержке.

Большая часть денег общества, ассигнуемых на премии, переходит или к крупным владельцам, или торговцам лошадьми, собственно же коннозаводчики часто не видят и цвета этих денег.

Но не нужно забывать, что мелкие коннозаводчики и есть поставщики ремонтных лошадей.

«Нет другой такой отрасли хозяйства, говорил Матье де Домбасль, о которой больше писалось, как об улучшении породы лошадей, и нет ни одной, о

которой государству следовало бы так заботиться». То, что было истиной вчера, верно и сегодня, ибо то, что писал М. де Домбасль в 1849 году, можно написать и теперь.

Нам не хватает верховой лошади легкого типа.

Было бы сумасшествием остаться при системе, которой мы обязаны настоящим положением, и администрация возьмет на себя большую ответственность, если будет придерживаться прежних путей. Система должна быть отброшена.

Лучшим доказательством, что наши учреждения неудовлетворительны, является тот факт, что земледельческие лошади, воспитанные и усовершенствованные без вмешательства государства, не оставляют желать ничего лучшего и прекрасно приспособлены к специальной службе.

Такая сильная порода, как *булонская*, столь пригодна для перевозки тяжестей, никогда не может быть смешана с легкими першеронами, незаменимыми для почты и дилижансов.

Первая отличается крупной головой, несколько грузной шеей, широкими и короткими спиной и почками, округленным крупом и богатой мускулатурой; все члены сильны и массивны.

Сложение *першерона* легче, но имеет некоторое сходство с булонскими; их голова квадратна, крепка шея, умеренная холка, спина и почки коротки, бока заметны, круп хорошо округлен и мускулист, видна нервность и сила, масть преимущественно серая.

Графские лошади (comtois) сильнее и тяжелее першеронов; они не так способны к быстрому бегу, но очень пригодны для перевозки.

Их рост до 3-х вершков, у них тяжелая голова, пропорционально тонкая шея, спина и почки длиннее, нежели у булонских и першеронов, покатый круп, плоский и широкий, они мускулисты, их масть гнедая или вороная.

Известны также *бретонские* лошади, коренастые, с курносой квадратной головой, с короткой и жирной шеей, с раздвоенным крупом и округленными боками; их ноги сильны и коротки, масть обыкновенно серая.

Также как и першероны, они прекрасные работники.

Все наши земледельческие породы, предоставленные сами себе, выведенные без советов и руководств официальных сфер, имеют местный отпечаток, собственный тип.

Никто не жалуется на службу наших першеронов, бретонов, булонских, графских и др.

Прочтите то, что было написано специалистами за последние двадцать лет, посоветуйтесь с кем угодно, и вы увидите, что улучшение верховой лошади никогда не соответствовало громадным расходам, сделанным для этого за несколько лет.

Побывайте везде, где производится лошадь легкого типа, изучите эти продукты на ярмарках, рынках, в ремонтных депо, в полках, где угодно: вы не найдете французского типа, ни породы, ни фамильности, ничего племенного.

Можно сделать не мало указаний, что предпринимавшееся в этом направлении, имело крайне плачевные результаты.

Почти во всех лошадях можно заметить следы благородной крови, там в голове, тут в ногах, холке, крупе или шее, корпусе, но на ряду с этим так мало общей пропорциональности, что, приходишь к выводу, что они не могут хорошо работать.

Теперь не осталось и следа былых французских пород легкого типа. Породы исчезла, и что же мы сделали, чтобы ее заменить?

Лучший тип верховой лошади есть, бесспорно чистокровная английская; но невозможно производить ее в количестве, достаточном для снабжения всей нашей кавалерии.

С трудом можно теперь найти достаточное число чистокровных жеребцов, годных для репродукции полукровных, т.е. обладающих сложением и качествами верховой лошади.

Наша кавалерийская лошадь напоминает скорее упряжную и только за неимением лучшей она попала в строй.

Ремонты должны доставить армии каждый год известное число лошадей и если они не будут приобретать упряжных лошадей, то половина кирасиров и добрая треть драгун останутся пешими.

Ремонты требуют от заводчиков лошадь определенного типа.

В распоряжении коннозаводчика есть только один производительный элемент, а они пользуются другим на государственном заводе. Но чтобы создать лошадь по желаемому образцу, нужно иметь и жеребца и матку, подходящих к этому образцу.

Кобылы же почти всегда очень плохи, но разумеется, коневодство поднимется, если хорошенько будут выбирать случных жеребцов и лучше распределять поощрение коннозаводчикам.

Глава 14.

Французские лошади легкого типа.

Чтобы составить себе точное представление о том, каковы были наши породы лошадей в прошлые времена, вовсе не нужно начинать от потопа и, я думаю, что определивши, каковы были лошади во времена завоевания Гллии римлянами и шаг за шагом проследив их историю, мы будем иметь все данные для справедливой оценки этих славных пород в эпоху, когда они находили полезное применение.

Я буду излагать на основании наиболее достоверных документов, добытых из главнейших местных архивов, и фактах, сообщаемых современными историками.

Св. Георгий Турский нам сообщает, что до вторжения римлян Галлия, населенная воинственным и земледельческим народом, была богатая страна, энергичные обитатели ее занимались разведением разного скота, и в центральной части Франции воспитывались лошади сильные и легкие, среднего роста, очень выносливые и неприхотливые.

Впервые они появились в армии Верцингеторикса и Цезарь, победитель Галлии, был так поражен храбростью воинов и качествами их лошадей, что образовал из них корпус кавалерии, который при дисциплине, существовавшей в римской армии, сделался наиболее почетным между варварами. Им командовал Лабенус.

Древнейшие историки не повествуют нам ни о характере лошадей этой отдаленной эпохи, ни о способе их выращивания. Можно только заключить, что они жили в полудиком состоянии; то они имели обильную пищу, то терпели лишения, в зависимости от времени года в этом изменчивом климате, который то благоприятствовал растительности, то ее совсем останавливал. Таким образом, воспитанные лошади должны были быть крепки и неприхотливы, но поэтому же они были небольшого роста.

Порода сохранялась в чистоте за отсутствием иных кровей.

По завоевании Галлии, римляне, которые впоследствии владели ею в продолжении пяти столетий, внесли с собой культуру, как они вносили ее всюду куда их гений их приводил.

Патриции, привлеченные благоприятным климатом Галлии, устраивали там себе летние резиденции и приносили с собой римские привычки и роскошь. Они располагались на плодородных землях и основывали заводы, преимущественно по берегам Роны, в Оверни и Лимузене.

В этой стороне Цезарь поместил, по требованию Лабенуса, два легиона и корпус нумидийских наездников.

Таким образом, впервые появляются восточные жеребцы. Тем более Марсель, торговавший с Африкой, стал снабжать южную Галлию, а за ней мало

по малу и соседние страны, африканскими лошадьми, которые смешивались с местными.

«Марсель, говорит Св. Георгий Турский, вел значительную торговлю пряностями, маслом и лошадьми, которых получал из Африки».

Римляне, которые не пренебрегали ничем чтобы содействовать их величию, благосостоянию или интересам, сделали все возможное для улучшения лошади.

Они улучшали земледелие и основывали большие заводы, место которых открыто лет сорок тому назад.

Ни в чем не было недостатка: обширные строения, широкие дворы, водоемы и фонтаны; одним словом роскошь и заботливость на каждом шагу. Там можно видеть и статую богини Эпоны, покровительницы лошадей и конюшен.

Таким образом, восточная кровь была первым улучшающим элементом породы древней Галлии и в то же время единственным, который когда-либо употребляли римляне.

Лошади, бывшие во времена римского владычества до нашествия Франков – те самые, которых мы встретим и в следующие столетия. Порода была сотворена.

Франки завладели северною частью Галлии; римляне отступили перед этими варварами, которые не замедлили воспользоваться прогрессом в деле коневодства, работой своих предшественников.

Они нашли в странах Лемовиса и Арверни превосходных лошадей, испытанных качеств.

Я уверен, что все похвалы, расточаемые знаменитой лимузинской породе, позднее исчезнувшей, несмотря на свои качества и полезность, имеют своим основанием письмо Рюрисууса, епископа в Лиможе к его другу Седатусу, епископу в Ниме, с уведомлением о посылке лимузинской лошади в подарок. Письмо относится к 500 году.

«Я вам посылаю, писал он, лошадь нашей драгоценной лимузенской породы, такую, которая, как я думаю, вам нужна: замечательно тихая, цельная, испытанной крепости, красиво сложенная, с прекрасными легкими, уверенной походкой, и т.д.»

Следует предположить, что примитивные галльские лошади были скрещиваемы с восточными жеребцами, приведенными сюда нумидийскими всадниками Цезаря и купцами Марселя, и образовали новейшую галльскую породу. Мы находим еще случай прилития африканской крови во время вторжения сарацин, побежденных в битве при Пуатье (732 г.) Карлом Мартеллом. Остатки армии Абдэрама, убитого в ужасной схватке, где погибло огромное число сарацинов, рассеялись к югу, к востоку и западу, где многие остались навсегда. Таким образом, центральная Франция снова получила этих драгоценных лошадей и они смешались с местной породой.

Наконец, Шарлеман дал новый толчок репродукции лошади. Его могущественный гений, не гнушавшийся входить во все мельчайшие

подробности управления его обширной империи, предписывает в эдиктах относиться крайне внимательно к делу воспитания лошади.

Его можно было бы считать основателем учреждения государственного коннозаводства во Франции, если бы только можно было дать это имя тогдашней организации или, вернее, сборнику предписаний интендантам. Когда король объезжал свои провинции, интенданты его поместий «должны были приводить ко дворцу, где находился Шарлемань, в день С. Мартина зимой, всех жеребцов без различия лет, чтобы император после мессы мог осмотреть их».

В своих инструкциях, которые являются зародышами настоящего института, он говорил: «Мы желаем, чтобы наши офицеры тщательно заботились о репродукторах и не допускали бы их ни под каким видом оставаться долго в одной и той же местности».

Мы видим отсюда, что он боялся последствий кровосмешения между лошадьми более, нежели между людьми, если судить по скандалам, бывшим в его семействе.

Он прибавляет: «Если один из них дурен или стар, то они (офицеры) должны донести своевременно о том, до отсылки жеребца к кобылам». Никакая мелочь от него, то их нужно отделить и своевременно держать отдельно от жеребчиков».

Отношения, которые поддерживал Шарлемань с государями Востока и лошади, получаемые им в подарок из тех стран, содействовали в значительной мере приливу восточной крови в интересующие нас породы. О том свидетельствуют историки того времени.

Между царствованием Шарлеманя и Генриха IV проходит новая фаза, интересная для изучения. Когда феодальная система, крестовые походы и монастыри оказали сильное влияние на совершенствование и сохранение легкой расы лошадей, весьма многочисленной во Франции в эту эпоху.

В средние века, мы видим, ленных владельцев, воспитывавших в своих поместьях лошадей для разнообразных нужд хозяйства и их ремесла – войны; они так же дают нам представление о монастырях, как о главных центрах разумного коневодства в эпоху, когда науки имели прибежище в их стенах.

Монастыри владели большими богатствами и, что следует особенно отметить, обыкновенно помещались у плодородных долин, близко от реки, среди обширных лугов.

Эти аббаты, начавшие размножаться с начала восьмого столетия, воспитывали большое число лошадей и, подобно сеньорам и баронам, обладали значительными заводами и вели большую торговлю лошадьми.

После 1000 года, когда монахи стали получать «десятину» в свою пользу, их богатства еще умножились. Многие аббаты владели ленами и нуждались в большом количестве лошадей для снабжения ми воинов на тот случай, когда король позовет своих рыцарей на войну.

Богатство монахов, их умелое хозяйничание и торговые способности дали им возможность приобретать восточных жеребцов через Марсель, Венецию, Геную и Испанию.

Мальтийские рыцари, по своей близости и сношениям с Востоком и необходимости иметь хорошую кавалерию для усмирения непокорных, имели в своем распоряжении отличных сирийских жеребцов. Они посылали их в свои командорства в Лимузен, в Март и Овернь, где владели крупными заводами; и это весьма естественно, так как с 1421 по 1582 год главные Мастера Ордена происходили из этих провинций.

Наряду с духовными лицами выращивали лошадей и сеньоры.

Спрос был велик, цены за хороших кровных лошадей высоки и коннозаводчики многочисленны; и большие и малые делали свои дела.

Спрашивается, когда лимузенская лошадь была в наибольшем почете? Не колеблясь ответим: в то время когда были сеньоры платившие за нее то, чего она стоила.

Эта эпоха продолжалась до конца царствования Людовика XIV; Ришелье, желавший единства королевской власти, централизации, стесни вассалов, разрушил их замки. Людовика XIV привлек их к своему двору и гранд сеньоры превратились в куртизанов и передали свои заводы в руки управляющих, которые предпочли воспитание быков, коров, баранов – разведению лошадей. Разведение скота гораздо более спокойное занятие: не надо столько денег и забот. Если же к этим причинам упадка коневодства прибавим многочисленные войны Людовика XIV, поглотившие громадное количество лошадей, то не удивимся, что в конце царствования этого суверена, ввоз лошадей превышал 100 миллионов голов в год.

Некоторые авторы предполагают, что во время крестовых походов восточная кровь впервые появилась в Европе. Я держусь иного мнения.

Эти войны были наиболее важным событием Средних веков; все сеньоры отправлялись сражаться с сарацинами, они шли туда как на праздник и брали с собой все что могло бы выказывать блеск их величия. Но в каком виде она оттуда возвращались? Далекое не в таком, чтобы приводить с собой лошадей; большинство возвращалось с сумой и посохом странника, просящего подаяния.

Вернее, крестовые походы были случаем нового ввоза восточных жеребцов через торговые сношения, которые установились в это время между западом и востоком как мы указывали на примере Мальтийских рыцарей.

До изобретения пороха и введения артиллерии в армию, способ сражаться резко отличался от появившегося тотчас же после этих изобретений.

Боевые кони должны были быть уже не такими, как раньше; в распоряжении вассалов были лошади самых разнообразных типов.

Ратные кони, получавшиеся из Нормандии, Бретани и Германии, служили почти исключительно рыцарям в бою. Парадеры и иноходцы получались из Лимузена, Марта, Оверни и Наварры. Русины, но преимущественно иноходцы,

употреблялись для разъездов. Что же касается до вьючных или низменных лошадей, неспособных к быстрым движениям, они перевозили тяжести.

Если познакомиться с вооружением рыцарей и их коней, то следует предположить, что эти последние были большого роста, очень сильные, чтобы носить такой вес, и их движения не должны быть особенно проворны.

Хотя легенда и рассказывает нам про турниры, на которых сражающиеся покрытые вместе с конем железной броней, устремлялись галопом друг на друга, но этому нельзя верить.

Аллюры по всей вероятности скорее приближались к шагу или маленькой рыси. Чем к галопу, который в данном случае возможен разве только в сказках или на картинках.

Появление артиллерии и ручного огнестрельного оружия изменило вооружение кавалерии на более легкое; появились ланскнехты, страдиоты, карабины и драгуны. Сидящие на лошадях среднего роста с более быстрыми аллюрами и, начиная с Франциска I парадные лошади средних веков заменили прежних ратных коней.

В эту эпоху легкие лошади центральной и южной частей имели наибольшее распространение.

Легкая кавалерия, созданная Людовиком XII, при Генрихе II достигла 3000 всадников. Это было лучшее время коневодства Лимузена, Марша, Оверни и южных провинций. Покупались лошади в большом количестве и платилось за них хорошо.

Конюшни вельмож, аббатов, членов парламента требовали также много лошадей и порода поддерживалась, улучшалась через постоянное общение с восточной кровью варварийской или арабской.

Такое положение сохранялось до Людовика XIV.

Когда топор Ришелье сразил сильнейших вассалов, когда ленники были привлечены ко двору для придания блеска королю, то заводы и конюшни опустели и коневодство, попавшее в руки наемников и мелких владельцев, сразу упало.

Никто не будет оспаривать, что с тех пор как Ришелье уничтожил феодалов. Франция перестала занимать первое место в Европе в отношении репродукции лошади.

Немедленно последовал упадок коневодства и в количественном и в качественном отношениях.

При очевидности зла, при виде миллионов, которые тратило государство на пополнение конского состава армии и для других надобностей. Правительство Людовика XIII, побуждаемое к тому же прекращением многих заводов вельмож, издало в 1639 году эдикт, которым основывались конские заводы на счет правительства.

Результаты этого эдикта были ничтожны; только двадцать шесть лет спустя Кольбер, возвращаясь к идее государственных заводов, основал их постановлением совета от 17 октября 1665 года.

Это постановление предусматривало, насколько это возможно, все мелочи хорошей организации.

Вот вступление к этому постановлению:

«Король, желая позаботиться о восстановлении конских заводов, разрушенных войной, а так же увеличить число их, чтобы его подданные не были вынуждены отсылать свои денье* (* Denier медная французская монета – 1/12 су.) за границу, посетил существующие заводы и выбранные места для новых, приказал купить цельных лошадей в Фрисландии, Голландии, Дании и Берберии в качестве репродукторов и т. д...»

Приобретенные жеребцы были размещены в различных местах на попечении частных лиц, пользовавшихся большими привилегиями. Плата за случку взималась сто су. Спрос на жеребцов поэтому был очень велик, что и вызвало новый приказ 1668 года который, подтверждая принципы изложенные в приказе 1665 года, заканчивался следующими постановлениями: все желающие иметь собственного репродуктора должны заявить об этом в соответственные канцелярии, запрещается кому бы то ни было иметь жеребца для случки, заранее не осмотренного и не одобренного, под страхом конфискации жеребца и уплаты 300 ливров штрафа, запрещается также покрывать очень маленьких кобыл, слепых или неспособных дать хороший приплод, несоблюдение чего также ведет за собой конфискацию, штраф и потерю ранее полученных привилегий.

Такие постановления были бы встречены в наше время криками «произвол!», но они были весьма разумны.

Так как весьма трудно в новом деле предвидеть все сразу, то за этими двумя следовали многие другие приказы. Если бы все предписываемые предосторожности были соблюдаемы, все условия хорошо исполнялись бы, то без сомнения, результат был бы прекрасный.

Небрежность некоторых интендантов служила камнем преткновения министерским, столь ценным, распоряжениям.

Наконец, в 1764 году были восстановлены заводы в Нормандии, Лимузене и Оверни.

История заводов, начиная с этой эпохи, слишком известна, чтобы о ней распространяться.

Наибольшим вниманием пользовалась лимузенская порода и не лишним будет привести отзыв о ней известного охотника барона Буаро де Лакур:

«Все любители охоты наших дней знают, что лимузенская, оверньская и маршская лошади далеко не обладают резвостью английских, но они лучше выдерживают продолжительную ежедневную «утомительную работу». (Jurnal des haras, 1829.)

В подтверждение этого мнения вот случай, рассказываемый в том журнале; речь идет о кобыле Соваж, принадлежавшей г. де Ку.

Она происходила от чистокровного английского жеребца и лимузенской матки и годовиком так не понравилась г. де Ку, что он ее продал: у нее зад был выше холки.

Однако, когда ей было пять лет, бывший владелец увидел ее на охоте, оценил ее способности и купил ее.

Вернувшись в конюшню де Ку, лучше содержащаяся и кормленная, развившись от ежедневной работы, она выказала силу и стойкость, которые, быть может, удивили бы и англичан.

Сплошь да рядом способности лошади следует приписать внимательному уходу и соответственной выдержке, подготовке; это особенно относится к английским лошадям.

Тем более поразительны способности кобылы г. де Ку, не имевшей никакой подготовки.

Природа, отказав ей в красоте, одарила ее всеми желательными качествами.

Ее служба, разнообразная и частая, нисколько не утомляла ее; подвижная, сильная, резвая и легкая, она шла всегда с новой силой.

Она не знала другого аллюра, как галоп более или менее растянутый; никакие препятствия не могли ее остановить.

Тогда много охотников в Лимузене и г. де Ку регулярно охотился каждый сезон, по меньшей мере, три раза в неделю.

Во дни когда хозяин отдыхал, несчастливая кобыла не разделяла его досуга: поездки по делам, поручения, домашние надобности были исполняемы ею, словом можно сказать, что весь день седло не покидало ее спины.

Но это не все: де Ку приказывал вести ее всегда галопом. Сам он жил в 11 лье* (* Лье – 4 версты 84 сажени, 11 лье – около 46 верст.) от Лимонса и эту дистанцию кобыла делала в два или два с половиной часа** (** Для сравнения упомянем, что 100 верст на состязаниях под Варшавой при сильнейшей жаре и по отвратительной песчаной дороге были сделаны мер. Туманом, $\frac{3}{4}$ кров., зав. кн. Кантакузена, под шт.- ротмистром Белавенец в 5 ч. 35 м.). Повествовать о всех необычайных скачках Соваж было бы невозможно, я упомяну только о двух одинаково замечательных.

Затеялась охота на кабана. Рано поднявшись, охотники позавтракали, причем не позабыто было и вино; затем собрались на охоту.

Де Ку уступил Соваж своему приятелю де Жосселэн, на которого выпитое вино подействовало сильнее обыкновенного.

Пока искали след зверя, пока собаки его нашли и гнали, де Жосселэн без надобности мучил кобылу свыше меры.

Де Ку наскучивший его беспорядочными движениями, посоветовал ему проводить лошадь, но совет был напрасен; де Жосселэн бросался туда и сюда, скакал по лесу и заставлял кобылу брать все встречавшиеся препятствия.

Потеряв терпение, де Ку ему сказал: «Без сомнения ты хочешь утомить Соваж, это не возможно, я тебя предупреждаю. Делай что хочешь, что можешь: ты кончишься прежде ее».

Задетый за живое такими словами, де Жосселэн еще сильнее налегал на кобылу, и клялся, что эта охота последняя в ее жизни.

Он начал скакать по всем направлениям, прыгал через все, что он видел; когда началась охота, он проскакал весь лес, отнюдь не придерживаясь дороги, не давая неутомимой кобыле ни минуты вздохнуть; в продолжении восьми часов охоты он все время скакал.

Наконец, кабан был убит. Не дожидаясь своих товарищей, де Жосселэн с быстротой молнии помчался к дому. Так как остальные шли пешком, то они прибыли домой более часу спустя после него.

Они увидели здесь Соваж, спокойно жующей свое сено в стойле, тогда как ее наездник лежал в постеле измученный и в лихорадке.

На другой день Соваж несла обычную работу, а де Жосселэн встал на ноги лишь пятнадцать дней спустя.

Другой случай не менее удивителен.

Это было в 1787 или 1788 году.

Г. де Ку, имевший в своих конюшнях многих хороших лошадей, уступил Соваж своему родственнику и другу г. Пюиредон.

Прежде чем излагать дальнейшее не лишнее будет заметить, что новый владелец кобылы весил сто шестьдесят ливров.*

(* 160 ливров – 5 пудов, ливр – 500 грамм.)

Мадам де Ку была по происхождению ирландка.

Желая побывать в Англии, она решила сесть на пароход в Бордо, до которого совершить путешествие в экипаже.

Отправившись из Массерэ, она предполагала завтракать в Лимож и ночевать в Пэриге.

Г. де Пюиредон предложил ей свои услуги в качестве курьера и выехал на Соваж в Лимож, чтобы там распорядиться о лошадях.

Они завтракали в Лиможе.

Не замечая, чтобы его кобыла устала, де Пюиредон следовал таким же образом далее до самого Пэриге.

Расстояние от Сассерэ было тридцать пять с половиной лье. ** (** Почти 148 верст.)

На другой день супруги де Ку продолжали свой путь в Бордо, а де Пюиредон снова сел на Соваж и отправился к себе домой за 12 лье отсюда. *** (***) 49 верст.)

Я не думаю, чтобы часто встречались лошади такого сложения, как Соваж; но факт, что де Ку расстался с подобной кобылой, доказывает, что ему было кем ее заменить из лошадей его конюшни. ****

(**** Строго говоря, пример Соваж, как представительницы лимузенской породы, выбран не совсем удачно. Кобыла происходила от чистокровного отца и местной матки, и ни в коем случае нельзя утверждать от которого от родителей она унаследовала свои способности. Скорее даже следует предположить, что влияние отца сказалось сильнее, так как принято, что английская кровь всегда имеет преобладание в полукровных, сравнительно со всякой другой, тем более, что из истории скакового дела во всех странах, мы знаем, что не редко среди полукровных находились экземпляры с большим успехом соперничавшие с чистокровными.)

Заключение же таково, что наши центральные местности способны, также как и в старину, производить превосходных кавалерийских лошадей когда будет сделано так, что коннозаводчики будут уверены сбыте своих жеребят.

Глава 15. **Англонорманы.***

* Эта глава сокращена сравнительно с оригиналом: выпущено все не относящееся непосредственно к предмету.

Норманнская лошадь, перед тем как мадам дю Барри ввела моду датских лошадей, была во всех отношениях прекрасна, и только в последствии злополучные датские и королевские жеребцы ее ухудшили.

Это довольно распространенное мнение.

Однако знаменитые датские лошади мадам дю Барри не могли принести много вреда; каждый знает, что необходимо несколько поколений, чтобы сколько-нибудь изменить породу, и каких-нибудь три или четыре жеребца за двенадцать лет не могли оставить заметного следа.

Интересно привести мнения авторов о нормандской лошади.

Барон де Боган писал: «Единственная провинция, а именно Нормандия, кажется, пользуется вниманием правительства. Без сомнения, ее считают наиболее подходящей для воспитания лошадей, благодаря обилию пастбищ. Но не принимают ли качество за количество? В этом убедится, если, вместо того, чтобы повторять, что нормандская лошадь – лучшая французская лошадь, пожелают осмотреть внимательно заводы и продукты этой провинции.

Жирная и плодородная почва дает много фуража; но трава через чур сочная способствует отложению жира у травоядных. Лошади, питающиеся этой травой, приобретают округленные формы, но их ткани скорее вялы, нежели упруги, более мягки, нежели компактны.

Все норманнская лошади богаты мясом и имеют жирные плечи; их ноги редко бывают сухи; эти лошади не обладают ни быстротой ни энергией. Они скорее пригодны в упряжь, нежели под верх.

Но указанное свойство пастбищ Нормандии не единственная причина неудовлетворительности лошадей этой провинции. Некоторые любители избегают этого неудобства отыскивая пастбища на более сухих и возвышенных местах и пасут на них трехлеток; и, действительно, такие заводчики успевают лучше.

О чем не заботятся в этой провинции, так это о выборе маток. Из пятнадцати тысяч покрываемых ежегодно кобыл можно сказать, что не найдется двух сотен, которые заслуживали бы хорошего жеребца.

Помимо дурного сложения, они очень малы ростом».

Военный писатель Гудэйль, капитан инструктор королевской артиллерии, рисует нам нормандскую лошадь в 1836 году:

«Нормандская лошадь имеет свой тип, ее всегда можно узнать. Это наиболее красивая по складу порода и отличающаяся свободными аллюрами. Они имеют хорошо развитую шею, широкую грудь, округленный круп, хорошо отделенный

хвост и прекрасные, хотя немного сырые, ноги. Им ставят в упрек длинноватую голову, узкую и сжатую, через чур сближенные уши, маленькие глаза и беспокойный характер.

Наилучшие нормандские лошади разводятся в Мэрлеро и Котантэн; первые верховые, преимущественно в легкую кавалерию, вторые каретные и в тяжелую кавалерию».

Этот портрет весьма мало похож на нарисованный бароном де Боган в 1781 году.

Подобный же портрет мы находим у г. Ивар, относящийся к началу этого столетия:

«Между нормандскими лошадьми различают рожденных в Мэрлеро и рожденных в Кавальдосе и Ля-Манше. Рост первых всегда был меньше, благодаря свойству пастбищ питательных, но не изобильных; они паслись постоянно на свободе, не считая суровой зимы, и не несли никакой работы до достижения зрелого возраста. Под влиянием такого режима получались хорошие верховые лошади, очень ценимые, и в большом числе покупались в конюшни короля и принцев.

Такое благоприятное положение вещей, уже ухудшившееся в конце прошлого века (XVIII) из-за моды приобретать английских лошадей, сильно пошатнулось в 1789 и последующих годах. Число этих лошадей значительно уменьшилось.

Им ставили в упрек их трудный, дикий характер, который не исправлялся несмотря на раннюю случку кобыл.

Разведение выездных лошадей имело место, главным образом, в Кальвадосе и в Ля-Манше.

Преимущество этого сорта лошадей состояло в большем росте и большей скороспелости. Первое качество важно в коммерческом отношении, а второе в коннозаводском, в смысле экономии.

Нормандцы умели пользоваться этим; торговля лошадьми была сильно развита.

Когда стали входить в моду английские лошади, то количество репродукторов значительно увеличилось; мы приветствуем объявленное решение правительства помещать в Нормандии лучших английских жеребцов.

Мы с удовольствием замечаем, что английская кровь уже изменила к лучшему продукты Нормандии и уверены, что следует только действовать осторожно и умно в том же направлении, чтобы сделать большую часть лошадей рослыми и сухими».

Таково было состояние коневодства в Нормандии в первую треть настоящего столетия.

Именно в это время появилась в качестве улучшающего элемента английская кровь и пошли полукровные лошади – англонорманы.

Мы привели мнения трех различных авторов, чтобы дать понятие о норманнской прежней породе. Авторы, однако, расходятся в своих отзывах, но это происходит от различия требований предъявляемых к лошади.

Об образовании новой породы Гэйо говорить:

«Порода создалась из двух элементов – нормандских лошадей и выведенных из Англии скаковых; сперва были только метисы, более или менее имевшие следы крови, а затем выработались формы, напоминавшие английских лошадей.

В ближайшую эпоху потомков можно встретить между чистокровными производителями на заводах.

Сначала, около столетия назад, хотели найти несколько репродукторов в Англии из числа, так называемых *mongreed breed*, но они, будучи прекрасны по сложению, не были способны передавать свои качества по наследству. Из этой попытки ничего не вышло».

Впоследствии, однако, полукровные производители оказали доброе влияние на коневодство страны.

«Судьба коннозаводства Франции была в руках очень компетентного человека – принца Ламбеск, главного шталмейстера Людовика XVI, пишет тот же Гэйо, и он приобрел для завода Пин из Англии 24 полукровных жеребца».

Таким образом, они должны быть рассматриваемы как деды наших англонорманов.

Заккрытие заводов в 1790 году так же дурно отразилось на Нормандии, как и на других провинциях.

Через несколько лет не осталось ни одного порядочного жеребца, ни кобылы.

Отсюда видно, что организация 1806 года не застала уже элементов прежнего режима, а тем более следов датских жеребцов мадам дю Барри и вывезенных из Англии жеребцов, стараниями принца де Ламбеск.

Гэйо как будто противоречит самому себе, но понятно, что он жалел бы уверить, что возникновение новой расы восходит к тому времени, когда он сам участвовал в администрации.

Однако известно, что в 1806 году, а особенно в момент реставрации, норманнские лошади были в состоянии вырождения в следствии многих причин.

Итак, мы приблизились к 1830 году, когда стал играть значительную роль завод в Пине, откуда ведет свое начало настоящая англонорманская порода.

Следует упомянуть, что нужно отбросить легенду о влиянии датских лошадей любовницы Людовика XV, выразившемся якобы в плоской голове, которой отличались норманны.

В последние годы Империи употреблялись жеребцы самых различных пород, а преимущественно андалузские; разве мы не знаем, что некоторые венгерские, итальянские и андалузские лошади имеют сильно сплюснутую голову.

Посмотрим, как рисует нам этих лошадей Гэйо:

«Голова норманнов плоская с маленькими сумрачными глазами, имеет тупое выражение; уши длинные и сближенные, дурно поставленные; ничто другое так не характеризует клячу, и действительно норманнская лошадь была таковой.

Короткая и толстая шея была отягчена жиром настолько, что у молодой лошади видны были складки, она напоминала горб верблюда и делала лошадь чрезвычайно тяжелой на переду, который и без того был отягачен массивной головой; плечи жирные и короткие, спина низкая и слабая, почки длинные, дурно расположенные, слабые; горизонтальный круп, хвост очень плохо поставлен и наводил мысль на операцию, англизирующую лошадь; ляжки высокие, прямые, опыт доказывал их слабость.

Голени, эти маленькие коленца большой машины, непрочные, часто порочные. Сердце и легкие, столь важные для всякого животного, органы пищеварения, даже мозг, занимали самый небольшой объем и функционировали слабо, крайне недостаточно.

Бывшие широкими до прилива датской крови передние ноги, сделались тонки и непрочны. Вогнутые колени искривляли всю ногу. Кости были тонки, сухожилия слабые, сочленения дурно сложенные.

Эти подробности не рисуют нам хорошей картины.

И действительно это было ужасное животное – норманнская лошадь, и список достойных ее эпитетов был бы очень длинен.

Такова была норманнская лошадь к 1830 году, порода *no blood*, как говорят англичане, негодная ни к чему».

В заключение после выдержек из четырех авторов, мы можем составить себе понятие об истории породы.

Барон де Боган, смелый и энергичный кавалерист, понимающий значение быстрых передвижений, находит качества норманнов недостаточными.

Второй цитированный автор Гудейль, представляет нам норманнов, как годных для всякой работы. Следует принять его точку зрения? Нет, конечно. Автор был офицером артиллерии в ту эпоху, когда этот род оружия был чрезвычайно мало подвижен.

Капитан артиллерии признает прекрасными лошадей, которых кавалерийский генерал де Боган находит дурными.

Выдержки из Гэйо и Ивара подтверждают мнение, что норманны к началу этого столетия не заслуживали похвал и если теперь они сделались прекраснейшей породой, то это только благодаря прилитию английской крови и, прибавим мы, также и арабам, которых было довольно в заводах Пин.

Конец

